

1184 (2Рос-Хэт) 6
4 48

Павел
Черкашин

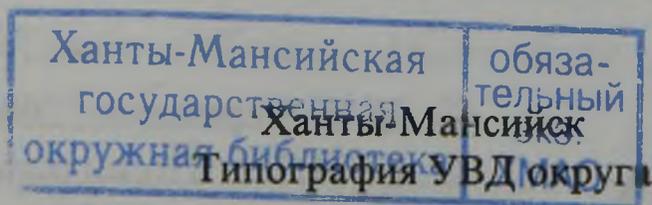

Чарушинская скамейка

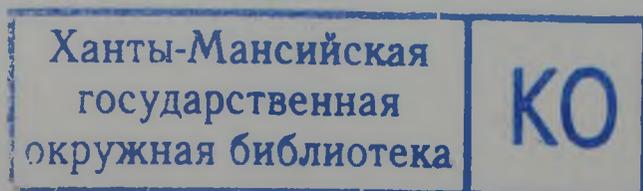
ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

ЧАРУШИНСКАЯ СКАМЕЙКА

Рассказы

2002

- 68010 -2

Р₂
К ББК 84(2Рос=Рус)6-5 ✓
Ч-48

Черкашин П. Р.

Ч-48

Чарушинская скамейка: Рассказы. – Ханты-Мансийск: Типография УВД Ханты-Мансийского автономного округа, 2002. – 68 с.

Художник

Л.А. Вторушина

В новую книгу Павла Черкашина вошли рассказы, написанные в середине 90-х годов двадцатого века.

Издание книги осуществлено на авторские средства.

© П. Р. Черкашин, 2002

© ГУИПП “Полиграфист”,
цветоделение обложки, 2002

Об авторе

Павел Черкашин родился в 1972 году в селе Мужси Шурьшкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Он неоднократно был участником семинаров писателей Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа. Член Союза журналистов России. Его стихи, очерки и рассказы печатались на страницах областных газет и в окружных периодических изданиях. Некоторые произведения были опубликованы в центральных российских изданиях. Отдельные стихотворения переведены на английский язык и язык ханты.

Павел Черкашин автор книг «Анастасия» (1999), «Память детства» (2000), «Межсезонье» (2001) и «Под чужими звёздами Кавказа» (2002). Он является соавтором коллективного сборника стихотворений поэтов Тюменской области «Очертания основ» (1998), коллективного сборника поэзии и прозы сотрудников милиции «С Югрой повенчаны навеки», изданного в честь 25-летия УВД ХМАО (2000), коллективного сборника поэзии и прозы участников литературного объединения г. Ханты-Мансийска «Самаровский ямб» (2001) и сборника очерков «Милиция Югорского края» (2002), изданного в Москве в канун 200-летия милиции России. Живёт в Ханты-Мансийске, работает в пресс-службе УВД округа.

«Чарушинская скамейка» – пятая книга молодого писателя.

РЕКА КУДЁМА

Сразу за селом текла река с завораживающим и непонятым именем: Кудёма. Вроде бы река как река. Из третьестепенных. Даже катера по ней редко ходили. Но всё же была в Кудёме какая-то необъяснимость, какая-то неуловимая тайна в неторопливом течении тёмных вод, в плавных очертаниях излучин, в лесистой оправе берегов.

Неподалёку от села пойма опускалась полого к реке, почти равнялась с ней и невысокой дернистой ступенькой обрывалась в илистую отмель Кудёмы. Удобное место для рыбалки.

Частенько приходил сюда с ведёрком и двумя удочками на плече Василий, закоренелый нелюдим сорока двух лет. Большой молчун, с исчезающей грустинкой в глазах, он сторонился сельчан, жил на окраине, в маленьком домишке около кладбища. И работу тоже выбрал по себе: был ночным сторожем на складе. С виду – самый обыкновенный мужичок. Мускулист, коренаст, с густыми тёмными усами и с добрым прищуром глаз, несмотря на суровость характера.

Люди невольно старались избегать общения с ним, чтобы не тревожить его душевную печаль. Но если уж приходилось, то говорили с осторожностью, по возможности приветливо и бодро, а за глаза жалели Василия, сочувствовали одинокой, почти отшельничьей жизни этого человека.

А виновата во всём была река Кудёма.

Двадцать лет назад Василий был совсем другим. Красивый сероглазый парень с открытой душой и добрым сердцем. Предмет воздыхания многих сельских девчат. Они страшно завидовали Валюше Кармаковой, которую без ума любил Василий.

Конечно, их любви можно было только позавидовать. Валюша боготворила его, а он трогательно заботился о ней. Их почти всегда видели вместе: в лесу ли во время сбора ягод, в клубе на танцах или просто гуляющих по улицам села.

А спустя год этой трепетной любви-дружбы, на исходе осени, родители справили им весёлую, шумную свадьбу. Появилась новая семья Никитиных.

Ничто не предвещало беду. Горе пришло внезапно.

Прошла, отметелила зима, промелькнула в неотложных заботах посевная, наступило лето. Жаркий июнь добрую половину села выгнал на Кудёму. В один из знойных дней пришли купаться в уединённое место и Валюша с Васей. Разделись, взялись за руки и вприпрыжку побежали в воду, взрывая гладь реки фонтаном тёплых сверкающих брызг. Поплыли, хохоча от восторга. Вдоволь нарезвились и возбуждённые, блестящие от влаги вышли на берег, устало повалились в упругие бархатистые заросли цветущей полыни.

Когда Валя отдышалась, то расслабленно перевернулась на спину и загляделась в небо.

– Какое солнце жаркое! Я уже почти обсохла.

– Накрой голову, Валь. А то и сама не заметишь, как напечёт.

Она укрылась платком и благодарно погладила Василия по плечу. Задумчиво помолчала. Потом тихо позвала:

– Вась...

– М-м?

– Вася.

– Что, кузнечик? – сказал он, поворачивая голову к Вале.

Валюша пристально смотрела ему в глаза, приподняв

край платка, и ласково, даже лучезарно, улыбалась.

– Вася... У нас... будет малыш.

Василий на мгновение замер, моргнул глазами, затем широко расплылся в улыбке, бережно привлёк Валю к себе, обнял и заглянул в самые глаза. Его устремлённый счастливый взгляд словно спрашивал: «Правда?!»

– Да, ты скоро будешь папой, – по-доброму и мечтательно сказала она.

– Валюш! Роднуля, это точно?

– Я знаю. Ему уже месяц.

– Но почему ты не сказала мне раньше?

– Я не была уверена. Теперь знаю. Где-то в феврале он появится на свет.

Василий блаженно зажмурился и жарко зашептал ей в самое ухо:

– Валёк, милая моя, теперь я самый счастливый человек на свете!

Он хотел крепче заключить жену в объятия, но она шутливо увернулась, вскочила и, смеясь, побежала к реке.

– Стой! Без меня, да? – прокричал Василий и кинулся вдогонку.

А Валюша уже плыла, плавными рывками удаляясь на середину реки.

– Валя, подожди!

– Догоня-а-ай!

Что-то тревожное толкнулось в мозг Василию. Он набрал полную грудь воздуха и, вспарывая сильными руками поверхность Кудёмы, быстро поплыл. Когда он одолел метров двадцать, то приподнял голову из воды, чтобы вдохнуть воздуха и оглядеться.

Валюши не было.

– Валя! – сдавленным от испуга голосом окликнул Василий.

Ответа не последовало. Невозмутимо текла Кудёма. Мелкая рябь без плеска набегала на берег.

– Ва-аля-а-а-а! – с надрывом закричал он снова и мощно рванулся вперёд.

Долго, до полного изнеможения кричал, нырял в поисках Валеньки, рыдал, захлёбываясь мутной водой Кудёмы, Василий. Вали не было.

И только когда совсем отчаялся, вконец обессиленный, с чёрной опустошённостью на душе, выполз он на берег и долго безудержно плакал не в состоянии поверить в случившееся горе.

Валюшу нашли на следующий день. Поигралась и выплюнула свою ни в чём не повинную жертву Кудёма. Молодую женщину, прибитую течением к берегу, с застывшими испугом и болью на лице, обнаружили около соседней деревни.

Когда Валю хоронили, почти всё село стекло на кладбище к свежерытой могиле под двумя молодыми берёзками. Никитин стоял у заколоченного гроба и молча, потухшим взором смотрел на грудку сырой глинистой земли. Слез уже не было. С трудом он реагировал на сочувствующие слова окружающих, отвечал односложно и с неохотой.

Так, в одночасье, он потерял двух близких людей: Валю и... малыша, о котором едва лишь успел узнать, и о котором ещё никто не ведал, кроме него и Валюши.

С тех пор Василий и стал мрачным нелюдимом.

Говорили, что он долго не мог успокоиться, смириться с тяжким потрясением, которое так внезапно обрушилось на него. Поначалу некоторые даже считали, что Никитин лишился рассудка. Может быть, так оно и было первое время. Многие, бывало, видели, как он часами стоял остолбенелый у небольшой могилки либо глухо плакал, расплас-

тавшись на холмике. То вдруг стремительно проходил через село, бежал к Кудёме и остервенело швырял камни в равнодушно текущую ненавистную реку, отобравшую у него счастье.

Такие вспышки бессильного гнева продолжались ещё некоторое время, но постепенно ярость его истощилась вместе с остатками душевных сил, и он утих, ушёл в себя.

Сельчане поначалу пытались, как могли, его утешить, вернуть к былой жизни, но всё было напрасно. Попереживали-попереживали да и отступились: «Живи с богом! Если что – поможем».

Василий постарел за месяц лет на десять, стал много курить, хотя до этого не курил вообще. Но вот пить не стал, несмотря на то, что некоторые заботливые мужички не раз предлагали промыть печаль с души «родименькой». Закрылся в своей скорлупе молчания и никого туда близко не пускал. Так и жил «ночным филином», днём почти не показывался на селе. Лишь по утрам, на зорьке, когда ещё все спали, приходил Никитин на Кудёму и удил рыбу, безмолвно всматриваясь в непроглядную глубину реки.

Так же было и сегодня.

Василий пришёл на берег, неспешно покурил, установил удочки и бесшумно сидел уже часа два. Позади него блестели скользкой чешуёй и, вылупив водянистые глаза, бились хвостиками о траву три пузатых карасика. Никитин обернулся, поглядел на них и скупно усмехнулся: «Не велик улов. Что-то плохо сегодня. Ладно, на уху хватит. Пора уж обратно». Он собрал снасть, плюхнул карасиков в ведёрко и, шаркая сапогами по влажной росистой траве, побрёл в село.

На околице его ждали.

Это была Мария Савина. Приятная светловолосая женщина тридцати восьми лет. Мягкая характером, хозяй-

ственная. Она была дояркой на местной ферме. Растила двух детей. Старший – Мишка, нынешней весной ушёл в армию, а младшей Леночке было двенадцать лет. Мария была вдовой. Четыре года назад осталась она без мужа. Он тоже утонул. Тоже в Кудёме.

Странной была его смерть. Так же как и непонятная гибель Валюши Никитиной.

По весне муж Марии, Андрей, отправился с приятелем ставить сети на Кудёме. Выплыли. Всё было нормально, как потом рассказывал его напарник. Поставили три сетки, а прежде чем возвращаться, присели на дно лодки перекурить. Вдруг, ни с того ни с сего, Андрей встал в полный рост, пристально, как зачарованный, загляделся в черноту воды и как в чём был, так и бултыхнулся за борт. И даже тело не нашли.

Погоревала Мария, погоревала, но что делать: надо как-то жить, детей поднимать на ноги.

Вот и жила одна, никого к себе из «похотливого брата» не подпускала, гнала. На селе ведь все хорошие мужики при жёнах, а пьяни да швали Мария не желала, гордая была.

Правда, был один, ни на кого не похожий. Василий. Да разве к нему подступишься. Но симпатия у Марии к этому молчуну была, как и чувство невольного родства в печальной похожести судеб. Ещё восемнадцатилетней девушкой Машей украдкой, с замиранием сердца частенько поглядывала она на Василия, втайне мечтая о взаимности. Ещё была жива Валюша. Ещё не было свадьбы и молодой семьи Никитиных. Но жизнь распорядилась по-своему.

Теперь же, столько лет спустя, в Марии снова ожила пока что слабая надежда на обретение женского счастья.

Никитин размеренно шёл, глядел перед собой и не видел женщину, которая ждала его у калитки своего дома. Вздвогнул, когда неожиданно услышал своё имя.

– Вася...

Его уже давно никто так не называл. Он невольно остановился, взглянул на женщину, узнал Савину и насторожённо спросил:

– Что... Маша?

– Вася, мне твоя помощь нужна. Пробка в счётчике вылетела. Надо новую вставить, а я сама боюсь... Помогите.

Василий снова пытливо посмотрел на неё, взглянул на дом и медленно, молчком, зашагал к калитке. Вошёл в уютно пахнущие сени, разулся и отворил дверь в дом.

Заменить пробку в счётчике – дело для мужика нехитрое и быстрое. Но каким-то необыкновенным образом Мария успела за это время накрыть в комнате небольшой стол и поставить на него медный самоварчик. Когда Никитин вышел из кухни в прихожую и направился к двери, Мария торопливо шагнула ему навстречу и тихо попросила:

– Вася, позавтракай у меня... – Затем смущённо добавила: – Блины вот вечером пекла.

Он снова изучающе посмотрел на неё. Потом нахмурился.

– К чему это, Маша?

Мария закусила нижнюю губу и, глядя ему в грудь, ещё тише, с неуловимой мольбой произнесла:

– Ну, пожалуйста, Вася...

Василий отвёл взгляд в сторону, спокойно вздохнул, пожал плечами.

– Если ты так хочешь... Ладно.

Он сел за приземистый стол, Мария разлила чай.

Непонятно, каким образом ей удалось разговорить Василия. Они пили чай с блинами и вели беседу на самые незначущие темы. Впрочем, поначалу говорила одна Мария. Как говорится, за двоих.

Василий внимательно слушал её голос, кивал голо-

вой, изредка, как слёзы, ронял слова. Но постепенно и его язык оттаял, он заговорил увереннее, понял непритворную искренность этой женщины.

Когда же Никитин поднялся из-за стола, поблагодарил хозяйку и собрался уходить, Мария вышла за ним на крыльцо, робко дотронулась до руки Василия и проговорила:

– Вася, ты... приходи... бывай у меня. Ладно?

Никитин неопределённо мотнул головой, но с того дня, действительно, стал заходить к Савиной, когда возвращался с рыбалки. Приносил рыбу, при этом задумчиво и немного тоскливо говорил:

– Вот, Маша, подарок тебе. От Кудёмы.

Так продолжалось довольно долго, пока Мария не решилась и не сказала однажды твёрдо, но добродушно:

– Вася, послушай, переходи ко мне жить. Хватит нам поодиночке-то мыкаться! Ты себя уж сколько изводишь. И мне одной – ох, как трудно. Вместе-то куда легче будет. Да и... нравишься ты мне, Вася... сильно... Пойми ты это.

Василий ничего не ответил, задумчивый ушёл, оставил её в тревожном ожидании.

А на следующее утро, раным-рано, Мария проснулась оттого, что в дверь тихо постучали. Она наскоро накинула халат, в смутной надежде и предчувствии вышла в тёмные сени. Сердце колотилось. Мария отодвинула скрипучий засов, распахнула дверь и застыла. Перед ней, в рассветной тиши, с фибровым чемоданом в руке, стоял, переминался с ноги на ногу и неуверенно улыбался Василий.

Где-то в другом конце села пропели утренние петухи, сонно забрехала собака. Белёсый туман поднимался с дальних лугов, а над Кудёмой медленно всходило большое оранжевое солнце.

ПЕРЛАМУТРОВАЯ РАСЧЁСКА

«... Стоит ли объяснять, что чем старше становится человек, тем сильнее его привязанность к любимым вещам – свидетелям и друзьям его жизни. С каждым прожитым годом человеку дороже то или иное событие и то, что связывает его с прошлым, с воспоминаниями. Обычно, это какая-нибудь вещь, пусть даже безделушка. Не правда ли? И уже не он властен над ней, а она над ним. Но, вот странность, человек рад такому рабству. А свободу от него считает катастрофой, потерей себя.

Несколько утешает то, что подобное происходит лишь с возрастом, когда веночек лет уже не столь лёгок, как в юности. Но неизмеримо труднее приходится тому, у кого привязанность к вещам оказалась врождённой. И к тому же, если такой человек по досадной ошибке считал себя их хозяином».

Из одной статьи.

Все события, которые произошли с Николаем Игнатьевичем весной 1995 года, случились из-за того, что в один из понедельников он обнаружил пропажу своей расчёски.

Сразу надо сказать, что сам по себе факт потери в данном случае необычен, ибо наш персонаж – человек очень пунктуальный и очень педантичный. Хотя сторонним поверхностным взглядом может показаться, что ничего примечательного в нём совершенно нет. Обычный мужчина пятидесяти шести лет (а он на столько и выглядит), рабо-

тающий рядовым учителем русского языка и литературы в средней школе областного центра. Разве что идеально аккуратен.

Стоп, стоп. Вот тут-то, пожалуй, уже и есть первая зацепка. Изумительная безупречность Николая Игнатьевича невольно остановит и заострит ваше внимание, и вы обязательно обернётесь назад, если случайно встретите его на улице с неизменным блестящим портфелем в руке.

В школе он явный образец для подражания. Как для учеников, так и для учителей. Чтобы к чему-то можно было придраться в поведении, в одежде или в исполнении обязанностей – да никогда! Даже смешно хоть раз засомневаться в этом. У Николая Игнатьевича всегда всё в полном порядке и всё, как говорится, по своим полочкам. Он – визитная карточка школы. Недаром его фотопортрет двенадцать лет бессленно висит на районной Доске Почёта. Лишь год назад его снимали для замены на новый, учтя поправку на возраст учителя.

Как же так получилось, что исчезновение расчёски повлекло за собой глобальные перемены в размеренной жизни Николая Игнатьевича? Тем более (и что самое главное!) сам Николай Игнатьевич в пропаже никак не виновен. Сам он расчёску потерять не мог никогда.

Чтобы это понять и более не сомневаться, необходимо побывать в квартире у нашего учителя.

В мягком полумраке коридора мутно блестит монотонно качающийся маятник настенных часов. Без четверти семь. Утро того самого рокового понедельника, круто изменившего всю оставшуюся жизнь Николая Игнатьевича.

Вот довольно уютная спальня. За незашторенным окном хорошо виден небольшой балкончик, где на металлической подставке разместились несколько, салатного

оттенка, цветочных горшочков с невысокой ухоженной зеленью камнеломки и фиалок. На тахте безмятежно спит ещё ничего не ведающий хозяин квартиры. Лицо спокойно, аккуратное дыхание бережно вздымает и опускает грудь.

Со стороны кухни едва слышно доносятся шаркающие шаги. Розалина Павловна уже встала и готовит супругу обычный завтрак. Она старается всё делать очень тихо, но, по обыкновению, это у неё никак не получается. Вот снова упал нож, и в ответ слышен невольный вздох досады.

Розалина Павловна полная противоположность Николаю Игнатьевичу. Рассеянная, ужасно неловкая, отчасти из-за своей щедрой полноты, иногда туго соображает, что не всегда приятно мужу. Впрочем, Николай Игнатьевич достаточно терпелив и ещё никогда в силу укоренившихся привычек поведения не повышал голоса на свою благоверную. Да это было бы и лишним. Розалина Павловна сама глубоко, искренне переживает каждую допущенную оплошность и всегда извиняется, добавляя при этом, что совершенно недостойна своей половины. Вот такая Розалина Павловна.

– Розочка! – радостно возвещает из спальни Николай Игнатьевич, и Розалина Павловна от неожиданности чуть не роняет из рук заварочный чайник. – Я уже проснулся!

– Прекрасно! – дежурной фразой откликается жена.

Минуту спустя Николай Игнатьевич в ванной. Тугая струя ударяет в дно раковины, и вот уже слышны частые всплески и бодрое побряхтывание от холодной воды. После умывания наступает очередь бритья. Кстати, бреется он два раза в день, утром и вечером, и весьма тщательно.

Пока совершается традиционный утренний моцион, давайте на минутку заглянем в кабинет Николая Игнатьевича.

Застеклённая молочного цвета дверь открывается

легко и бесшумно. Какая необыкновенная чистота и идеальность! Ни пылинки! Всё скрупулёзно протёрто добросовестной рукой Розалины Павловны. Невольно складывается впечатление, что кабинет Николая Игнатьевича, без сомнения, есть «святая святых» в этой семье.

Напротив двери окно, уже вымытое после зимы, и письменный стол с пятью выдвижными ящичками. На столе под накладным толстым стеклом расписание уроков и ещё несколько листов с необходимой информацией. Слева во всю длину стены большой, почти под потолок, доставшийся по наследству от отца, вместительный книжный шкаф. Как и на столе, за его дверцами всё идеально и упорядоченно: отдельно художественная литература, отдельно методические пособия и журналы, отдельно словари и всевозможные справочники. И на каждой полке с завидным тщанием соблюден алфавитный порядок.

Что ещё? В правом углу от окна тумбочка с грампластинками, а на ней не новый, но в хорошем состоянии переносной проигрыватель. На правой стене не менее десятка простеньких, выполненных пастелью портретов русских писателей. На полу ковровая дорожка, на потолке люстра. Всё. Конечно, если быть до конца дотошным, то ещё можно заметить белую кружевную салфетку на подоконнике (десятидневные старания Розалины Павловны) и стоящую на ней сухонькую гипсовую статуэтку Николая Алексеевича Некрасова. Теперь – всё.

Несомненно, обстановка кабинета – это лицо и суть его хозяина. Всё, как вы убедились, просто и со вкусом, хотя и несколько необычным для нашего времени. Старомодным что ли.

Вы наверняка обратили внимание, что интерьер сравнительно невелик, но не это самое главное. А вот заметил ли кто-нибудь из вас, что у каждого предмета, который

находится в кабинете, своё строгое определённое место? Как будто для каждой вещи с несуетливой заботой и любовью было выбрано и узаконено раз и навсегда единственное расположение. А ведь это важно отметить. И не только в кабинете, а во всём, что напрямую связано с жизнью Николая Игнатьевича, я не побоюсь повториться, присутствует неизменный закономерный порядок, как в таблице химических элементов Дмитрия Ивановича Менделеева.

А вот и Николай Игнатьевич. Умытый, с выбритым до синеватого блеска подбородком. На нём аквамаринного цвета рубашка, изящный галстук и на совесть отутюженный костюм. Но что это? Он явно чем-то огорчён, выглядит растерянно и машинально трёт виски.

– Розочка, – произносит он беззащитно и с тревогой в голосе. – Роза!

– Ау, – добродушно отзывается супруга из кухни.

Николай Игнатьевич мгновение молчит, шаря рукой в левом кармане брюк, потом недоумённо спрашивает:

– Ты мою расчёску не видела?

– Расчёску?

– Да.

– Твою?

– Господи, да! – умоляющим тоном выдавливают из себя Николай Игнатьевич и вновь тщательно исследует карман, нет ли там дырки. Дырки нет.

– Нет, Коленька, не видела. Иди завтракать.

– Какое завтракать! – обиженно восклицает Николай Игнатьевич. – У меня расчёска пропала. Я непричёсан. Видишь?

Розалина Павловна выглядывает в коридор. Она удивлена и тоже встревожена. Ещё бы, первый раз Николай Игнатьевич так возбуждён.

Желая помочь и успокоить его, она торопливо идёт к трельяжу, возвращается и протягивает мужу другую расчёску.

– На, причешись этой.

– Это не моя, – однозначно отказывается Николай Игнатьевич.

– Ну, пусть, не беда.

Долгое мгновение он ошарашенно смотрит на непонятливую супругу, потом его словно прорывает:

– Как не беда? Моя расчёска пропала – это ерунда? У меня ещё никогда ничего не терялось! Понимаешь ты это? Никогда! – возмущённо, но гордо восклицает Николай Игнатьевич.

Да, сложно поверить, но у Николая Игнатьевича, действительно, за всю сознательную жизнь до сего дня ещё ни разу ничего не терялось. Всё всегда оказывалось на своём месте в нужный момент.

Для расчёски это был левый карман брюк. Теперь её там не было.

Представляете, какой трагедией показалось для такого человека, как Николай Игнатьевич нарушение установленного им порядка.

– Это просто невероятно! Она не могла потеряться! Это невозможно! – то и дело выкрикивал Николай Игнатьевич, суетливо метался по квартире и перебирал руками все вещи, что попадались на глаза, в поисках расчёски.

Впервые покой вещей был так грубо нарушен. Только сейчас открыто проявилась ещё одна черта в характере Николая Игнатьевича: трепетно любя и оберегая все свои вещи, он в то же время требовал от них беспрекословного «послушания». И любая из них должна была быть послушной и верной. Тем более что сам Николай Игнатьевич был исключительно верен им.

Многие из находящихся в квартире учителя вещей были уже завидными старожилками. Некоторые верой и правдой служили своему хозяину около тридцати лет. Например, статуэтка Н.А. Некрасова, которую ему, обладателю красного диплома, торжественно подарили на выпускном вечере в педагогическом институте.

О расчёске разговор особый.

Она хоть и была сравнительно более «молода» среди других, всего-то шесть лет, но Николай Игнатьевич очень дорожил ею, как памятью о приятном минувшем.

Шесть лет назад ему исполнилось пятьдесят лет, и администрация школы с пышной речью вручила своему самому уважаемому учителю месячную путёвку в санаторий на побережье Крыма.

Ялта, Ливадия, Алушта... Николай Игнатьевич первый раз был у моря. И оно глубоко поразило его своим величием, как бывает с каждым, кто впервые очутился на каменистом берегу и услышал мерное дыхание волн прибоя.

Почти перед отъездом обратно Николай Игнатьевич, сам не зная для чего, забрёл на ялтинский базар. У самых ворот к нему подбежала смуглолицая, с огромными карими глазами девочка-подросток. По виду цыганочка.

– Дяденька, купите сувенир на память!

В её ладони лежала искусно отделанная перламутром расчёска.

– О, какая прелесть! – невольно выдохнул Николай Игнатьевич.

– Купите! Недорого! Память будет! – почти скороговоркой выпалила девочка.

Николай Игнатьевич осторожно взял расчёску в руки и внимательно рассмотрел. Кропотливая и добросовестная работа. По основанию расчёски было мелко и витиевато выгравировано: «На память о Ялте. Лето 1989 года».

– Папа делал? – поинтересовался с улыбкой Николай Игнатьевич.

– Нет. Брат.

– Красивая! – Николай Игнатьевич восхищённо покачал головой. – Я куплю её.

По дороге в санаторий он сразу определил расчёске своё место, уверенно положив в левый карман брюк. Несколько раз он останавливался, вновь вынимал её, заморожённо любовался нежными переливами перламутра и по-доброму улыбался, вспоминая девочку.

За минувшие шесть лет Николай Игнатьевич два раза сменил старые брюки на новые, но расчёска неизменно продолжала быть в левом кармане. И вот теперь произошло это необъяснимое исчезновение.

Николай Игнатьевич обессилено опустился на стул. Учащённое дыхание со свистом выходило из него. Он беспомощно глядел на жену.

– Может, где на работе оставил? – робко предположила Розалина Павловна.

– Не знаю, – безнадёжным голосом выдохнул он, медленно поднялся, проковылял к выходу и стал обуваться.

– Ты разве не позавтракаешь? – округлое лицо супруги изумлённо вытянулось.

– Нет... Не хочется что-то. Извини, – тоскливо пробормотал Николай Игнатьевич, вялым движением взял портфель и, не попрощавшись, против обыкновения, с женой, вышел за дверь. Неуверенно спустился по ступенькам с третьего этажа. Кожаный портфель безвольно болтался в онемелой руке учителя.

Все коллеги по работе моментально заметили внезапную значительную перемену, которая произошла с Николаем Игнатьевичем, хотя терялись в догадках, в чём она заключается.

Трагедию учителя непроизвольно усугубила девочка-пятиклассница, которая, спускаясь по лестнице навстречу ему, удивлённо и добродушно заметила:

– Здравствуйте, Николай Игнатьевич, что-то вы сегодня не совсем причёсанный!

– А?.. – очнулся от печальных дум Николай Игнатьевич. – Да, Верочка, не совсем... – и внутренне весь сжался.

Словно в бреду, лишь благодаря прошлому опыту зрительной памяти, он нашёл свой кабинет и тяжело ступил через невысокий порог. Когда раздался звонок с первого урока, Николай Игнатьевич мучительно вздрогнул и вдруг безразлично отметил, что совершенно не помнит, о чём говорил на уроке ученикам и какую пройденную тему необходимо вписать в соответствующую графу классного журнала.

Каждую перемену он неуверенными шагами подходил то к одному, то к другому учителю и скованно, виновато спрашивал:

– Извините, пожалуйста, вы случайно не видели мою расчёску? Перламутровую.

И с каждым разом, получая отрицательный ответ, надежда в нём гасла всё больше и больше.

Словно привидение, медленно и бесшумно передвигался он по коридорам школы, не слышал за спиной озабоченного шушуканья коллег по поводу его необычного состояния и, как во сне, давал положенные уроки. На последнем их них, совершенно непонятно как, поставил «отлично» отъявленному двоечнику.

Это был урок русского языка.

Николай Игнатьевич вызвал Сормова Серёжу к доске, дал карточку, на которой были записаны слова с пропущенными орфограммами, и попросил его выполнить

задание на доске. Когда наступило время проверки, Николай Игнатьевич невидящим взглядом скользнул по написанным словам, кивнул в знак одобрения и собственноручно поставил в журнал «пять». Из восемнадцати слов в девяти были допущены грубейшие ошибки, но ни одну из них учитель сегодня не заметил. Поднявшийся в классе гул непонимания и возмущения на некоторое время вывел Николая Игнатьевича из оцепенения.

– Тише, ребята, тише. Не надо шуметь на уроке. Для этого у вас будет перемена. Выполняем упражнение двести тридцать четвёртое, – и снова забылся.

Перед уходом из школы, он ещё раз бессознательно обошёл все классы и коридоры, высматривая по углам пропажу.

«Она действительно пропала», – обречённо заключил Николай Игнатьевич про себя и вышел из школы.

Ярко светило майское солнце, белыми облаками казались цветущие яблони, а над головой с жизнерадостной суетой носились ласточки. И сам воздух, ароматный и тёплый, как будто был насквозь пропитан веселящей бодростью скорого лета. Но сегодня, против обыкновения, это нисколько не радовало Николая Игнатьевича, а лишь ещё больше утомляло.

Неизвестно, каким образом Николай Игнатьевич оказался недалеко от причала. Может быть, подспудно шелест речных волн напомнил ему шум морского прибоя в Крыму. Около двух часов он брёл сюда наугад, ничего не видя по сторонам и ни к чему особо не прислушиваясь. Его туфли изрядно запылились, и шнурок на одном из них развязался. Но Николай Игнатьевич даже не заметил этого...

Всё бы сложилось совершенно иначе, если бы ещё утром рассеянная супруга Николая Игнатьевича вовремя

вспомнила, что накануне вечером, когда она гладила костюм мужу, расчёска выпала из кармана брюк, и Розалина Павловна машинально вложила её в нагрудный кармашек пиджака, даже не запомнив этого.

Вот и крутой спуск к причалу. Ступени стремительно опускаются в тенистый скверик, постепенно сужаясь в своей перспективе. Здание старого речного вокзальчика практически не видать из-за буйно разросшейся зелени.

Николай Игнатьевич отрешённо постоял наверху, потом медленно опустил ногу на первую железную ступень лестницы. Так же неторопливо поставил рядом другую. Попереминался с ноги на ногу и бесцельно запрокинул голову в небо. Навстречу ему стремительно двигались рыхлые облака. Обманутый их движением, он невольно подался вперёд, чтобы сделать следующий шаг. Но попавший под подошву шнурок предательски остановил ногу, и, беспомощно взмахнув руками, Николай Игнатьевич ринулся в пролёт лестницы. Тело глухо ударилось о ступени и уже безвольно съехало вниз, перевернувшись на спину.

Остекленелый взгляд учителя провожал всё так же бегущие за горизонт облака. А рядом, у плеча, преданно лежала и нежно переливалась на послеполуденном солнце выскользнувшая при падении из нагрудного кармана перламутровая расчёска Николая Игнатьевича.

БАБА ГАНЯ

Если бы не ремонт автомобильного моста через Туру, из-за которого весь городской транспорт уже больше года попадал с одного берега на другой только в объезд, то моя встреча с жизнестойкой бабушкой Ганей вряд ли когда-нибудь произошла бы.

Был конец марта. Из заречной части города я ехал на работу. Сижу, на коленях две сумки. В одной книги да общая тетрадь, в другой изредка побрякивают от встряски банки с едой. Это заботливая супруга снабдила на суточное дежурство. Сторожем я работаю в областном Доме писателей. Что поделаешь – студент, да ещё и семейный. На одну университетскую стипендию никак сыт не будешь.

Автобус с металлическим скрипом тормозит у остановки «Луговая». Пока зима, здесь выхожу. Отсюда узкой улочкой в сторону закрытого на ремонт моста, затем через Туру по заснеженному льду, а там и старая деревянная лестница в сто десять ступеней на высокий берег реки. Поднялся, и считай, что уже на работе. Вон она, четырёх-скатная крыша. Удобно. А лёд уйдёт – опять вкруговую добираться.

Мартовский лёд – усталый, просевший. Шагаешь по нему, то тут, то там потрескивает-постанывает. Зима нынче тёплая была, самое большее недельки две до ледохода осталось. Наверно, последний раз через Туру иду. Страшновато уже.

Вот и первые ступеньки жалостливо поскрипывают под ногами, подрагивают хлипкие перила. Сколько же лет этой лестнице? Самое малое – тридцать. Девять пролётов разной длины и ни одного целого. Там ступеней нет, там перила обломились. Не идёшь, а скачешь, как заяц, через

прогнившие доски. Только под ноги и гляди, на другое не засматривайся. Преодолею так половину лестницы, вдруг слышу позади слабый надтреснутый голос, и вроде как меня окликают:

– Внучек!

Обернулся. Вижу, смотрит на меня снизу вверх какая-то древняя старушка. В руке потрёпанная авоська с оторванной ручкой, за спиной вдобавок сетка, не видать с чем. Пальтишко на ней не бог весть какое. Я, наверно, ещё с букварём в школу ходил, когда оно было куплено. Глаза глядят доверчиво и устало.

– Что, бабуля? – с невольным участием в голосе спросил я.

– Внучек, – так же хриповато повторила она. – Помоги мне доверху добраться. Из сил выбилась.

– Конечно, помогу.

Я осторожно спустился к началу лестничного пролёта.

– Давайте вашу сумку. Да за руку крепче держитесь. Тут и вдвоём свалиться – дело не хитрое.

За мою ладонь, словно боясь потерять единственную опору, неуклюже схватились её иссохшие пальцы. Почти невесомая рука старушки немощно подрагивала.

– Позавчерась ишло только одной ступеньки не было, а сёдне уж и вторую проломил. Вон-де лежит, – сокрушённо выговорила она и слабо кивнула в сторону берегового откоса. – Через одну-то ишло мало-мальски карабкалась, а через две-то уж нога не шагает.

Пока поднимались, я увидел, что в сетке за спиной у бабушки капуста, четыре кочана. Правда, сильно нетоварного вида. Удивился такой неудачной покупке.

– Что-то, бабуля, капусту вы беда неприглядную купили. Где вас так обманули?

– И-и-и, кабы купить. Она вить, внучек, дорогущая шибко. Где мне? С моей пенсией в магазин сходишь – все продукты в одной сумке уместятся, если окромя хлеба ишшо что-то брать надумаешь... Капуста-то, вишь, мёрзлая, с берега. Там с самой осени целая баржа её стоит. Всю зиму кто хошь брал. И на машинах даже приезжали.

– Надо же. И не запрещает никто?

– Так, наверно, нет, коли берут. Среди бела дня. Уж почти всю баржу вычистили. Я и сама зимой брала. Никаких сторожов не было. Пусто. Не знаю, почто так. А капуста хорошая, мёрзлая только. Но в щи-то всё равно сгодится.

– Да-а, вот я-то не знал, рюкзачок бы набрать не лишним было.

– Так сходи после. Ишшо можно выбрать.

– Ладно, наведаюсь. Ну, вот и конец нашим «Альпам».

Старушка выпрямилась.

– Вот спасибо-то! Дай бог тебе здоровья! Не оставил бабушку. Так бы и застряла я там одна-то.

– А вам дальше куда? Может, по пути? Я пока что сумку понесу.

– Ро-одненький! – сердечно залепетала она. – Добрый ты... Мне-то хоть куды по пути будет, – продолжила она, когда мы снова пошли. – В любую сторону. Моя работа не хитрая.

– Ой, неужели работаете ещё? Где? – с сомнением воскликнул я. – Вроде уж годы почтенные.

– Да, конечно. Какая моя работа! Каждый божий день по городу хожу, бутылки подбираю да сдаю. Много ли, мало найду – всё ж к пенсии прибавка. Бывает, весь день по улицам шаркаюсь, в каждую урну заглядываю. Вечером приплетусь – разогнуться не могу, всю спину ломит, ноги

стоймя не держут. Вот так и живу. Слава богу, шибко не голодую, – закончила она и прокашлялась.

– Да-а, стойкая вы бабушка. Не все таким жизнерадостием да терпением могут похвастать. Это хорошо, что мы встретились. Сейчас на мою работу зайдём. У нас во дворе с прошлой осени бутылки копят. Наберёте, вам по городу не надо будет ходить. Пойдёмте?

– Ой, внучек, и благодарить не знаю как! Пойдём, конечно. Вот радость-то где!

На том, может, и завершилась бы эта встреча с неожиданной попутчицей. Набрала бы бабушка бутылок, поблагодарила ещё раз и ушла восвояси. И даже имя её осталось бы для меня загадкой.

Но старость есть старость. Прихватило вдруг болезненное старушечье сердце прямо на крылечке Дома писателей.

– Ох, сильно как кольнуло. Аж в глазах тёмно стало, – успела выдохнуть она и ухватилась за мою руку. – Ох, дыхоты не даёт! Ох! Как шильем тычет.

– Ну вот, бабушка, опять вы без меня никуда, – попытался сказать я бодрим голосом после того, как сам на мгновение растерялся. – Давайте я вас потихоньку в свою сторожку отведу. Сядете, отдышитесь, а там посмотрим, как быть.

С горем пополам добрались. Гляжу, бабуля уже ртом воздух ловит, ноги одна за другую заплетаются. Я её скорее на стул усадил поудобнее и со всех ног к соседке, тётке Томе, может, есть у неё что-нибудь сердечное.

Вот и старая скособоленная дверь её дома. Стучусь.

Тётя Тома – добрейшей души человек! Правда, бывает, пьёт сильно, но чужой беде всегда помочь старается. Помню, однажды, когда я на дежурство ехал, у меня в автобусной давке банки с едой разбились. Тётя Тома только узнала, сразу отменным борщом накормила. Да и так: то

картошки с луком для супа принесёт, то карасей, что муж наловил, на уху, то беляшей горячих, то сала. При этом частенько приговаривает:

– Ты только, самое главное, учись, брат. Если учиться бросишь, я тебе этого ни-ко-гда не прощу.

Вот и сейчас, как поняла, в чём дело, сразу зашла в дом и, минуты не прошло, вынесла на ладони четыре таблетки валидола.

– Ой, тётя Тома, зачем же столько? Одной хватит.

– Держи-держи. Пусть с собой про запас возьмёт. Мало ли что. С сердцем, брат, шутить нельзя.

– Спасибо большое!

Прибежал обратно в сторожку. Бабуля у меня уже руки к сердцу прижала, охает тихо.

– Ну, куда вы теперь в таком состоянии, – говорю я.
– Прилягте пока на кровать. Вот лекарство подействует, тогда и легче станет.

Старушка только молча кивнула.

Помог ей лечь, обувь снял, а у самого в голове мрачные мысли так и крутятся. Как бы ещё хуже не сделалось! Вдруг умрёт? Что тогда? Сообщить ведь придётся. «Скорая» или кто там ещё приедут, спросят: «родственница?» – «Нет». – «Как зовут покойную?» – «Не знаю». – «А как у вас здесь оказалась?» Что я скажу? Так, мимо шла? Вот незадача.

Сижу, прислушиваюсь. Пока представлял в уме возможные последствия, бабушка всё это время едва слышно постанывала. Я уже немного успокоился, как вдруг стоны прекратились. «Господи! Неужели – всё, преставилась!» Вскочил, наклонился над ней – не-ет, дышит. Уснула, христовая. С меня будто камень свалился. Ну, пусть спит, сон тоже лечит. А сам сел книгу читать.

Вот уже час прошёл, другой, третий. Время обеда

наступило – бабушка всё спит. А у меня желудок есть начал просить. Если, думаю, на цыпочках да не шуметь, то, наверно, получится суп разогреть. А повезёт, так и, обедая, не потревожу.

Легонько поднялся и пошёл на носочках к сумке с банками. Но куда там! У старых людей сон чуткий. Едва скрипнула подо мной половица, и уже зашевелилась бабуля, заворочалась. Оторвала голову от подушки и стала медленно подниматься с кровати. Села и распрямилась.

– Как спалось? Как сердце? – деловито спросил я, водружая на плитку кастрюлю с супом.

Моя гостья тщательно протёрла глаза и смущённо улыбнулась. Потом вовсе рассмеялась:

– Хи, вот и бабушка! Храпелка старая! Сама не заметила, как уснула. Давно-о уж днём-то не спала. Вот вить как. И сердцу-то как хорошо, ровно и не болело вовсе.

– Вот и замечательно! Сейчас пообедаем вместе, уже всё греется.

– А можно? – робко и недоверчиво спросила старушка.

– А почему нельзя? – искренне удивился я. – Конечно, можно.

– Добрый ты, – почти нараспев проговорила она. Мне в ответ оставалось только улынуться.

– Ты здесь сторож, значит?

– Да.

– Надо же.

– А что?

– Сторож, а стол как у дилектора какого. И полочки есть, и стульев мягких с дюжину будет. Люстрочка даже висит.

– Так ведь это не моё всё, я только охраняю.

– А-а. А всё равно, хорошо так работать.

Я снова улыбнулся.

– Вы лучше скажите, как вас зовут, а то до сих пор не познакомились. Моё имя – Саша.

– А-а, Саша. Хорошее имя, христианское. А меня бабой Ганей зовут. Агафья, значит.

– Старинное имя. Сейчас таких не дают.

– Ну так мне его ишло когда дали. В одиннадцатом году. Я вить уж шибко старая. Восемисят четыре годочка мне.

– Ну, что ж, баба Ганя, садитесь суп отведать. Вот вам ложка, хлеб. Не стесняйтесь.

Баба Ганя подседа к столу, взяла ложку, несколько раз зачерпнула и съела. Потом подняла глаза и спросила:

– Суп-то сам, что ль, готовил?

– Нет. Светланка, жена моя.

– Женатый, значит.

– Да.

– А я гляжу, колечко на пальце, да, думаю, молодой ишло, наверно, просто так носит, модничает.

– Не-ет. Два года вместе живём. И в церкви венчались.

– Вот молодцы какие. Жене поклон передай. Суп шибко вкусный, сы-ытный. Дай ей бог здоровья. Живите долго.

– Спасибо. Вы-то как живёте. С кем?

– А я, Саша, одна живу. Уж питнацать годочков одна.

– Что ж так? Ни детей, ни внуков нет?

Баба Ганя как раз доела суп, облизала и отложила в сторону ложку, вздохнула и начала говорить:

– Внуков-то, угадал, нет, да и не будет уж. А дети-то вот были. От первого мужа. Фёдором звали.

Я с ним как познакомилась? Первомай был. Черёмуха как раз цвела. Я и надумала к празднику букетик нало-

мать. Вышла в лесок неподалёку, выбрала деревце понаряднее. Только первую веточку обломил, вдруг за спиной-то и слышу:

– Это зачем же вы деревцо раните, красоту губите?

А я в девках-то не пуглива была, оглядываюсь – парень молодой, рослый, с усиками, я ему смело так отвечаю:

– А какой же праздник без цветов!

Гляжу, он улыбается, а сам всё в глаза мне смотрит и говорит:

– Оно так, конечно. Но если, мол, все кому не лень к празднику так делать будут, то через десять лет в округе ни одной черёмухи не останется.

А я как будто обиделась на него и говорю:

– Если умный такой, взял бы и настоящих цветов подарил!

Он смеётся.

– Полюблю, – говорит, – так и подарю. Не жалко. Пойдёмте, я вам лучше сломанную черёмуху покажу, вчерашней грозой выворотило. Там и наломаете себе сколь надо, а то всё равно засохнет.

А я что, взяла да и пошла. Так вот и познакомились с ним. Через полгода свадьба была. Шибко его полюбила! Прямо всем сердцем прикипела!

– И сколько ж у вас, баба Ганя, детей от него было?

Её засиявшие было от светлых воспоминаний глаза вдруг мигом померкли.

– Три раза носила... Да только третьего вырастила. С тридцать седьмого года который. Второй квёлый был, до года не дожил, помер. А первый-то и говорить страшно: сразу мёртвый родился. Как уж я горевала тогда! По первенцу-то! Страх божий! Мальчик был. В больнице-то прямо при врачах сразу разревелась, насилу успокоили.

А через три месяца в тот же год мама в деревне от

тифа скончалась. Отец-то раньше ишшо, в гражданскую погиб. Я и помнила-то его смутно. Ох, было горюшка в моей жизни. Аж сейчас реветь хочется.

Потом только вроде всё направилося, война началась с Гитлером. Будь она проклята! Володьке пять лет сполнилось – с фронту похоронка пришла на Фёдора. Под Ленинградом погиб. Вот с того дня и седеть начала, с тридцати-то лет.

– Да уж, как-то всё на вас сразу свалилось. Не позавидуешь. И сына, выходит, сами воспитывали.

– Десять лет поднимала. Всё одна да одна. Мужиков-то сколько в войну поубивало. Не я одна вдовой осталась.

А тут Сталин умер, амнистия была заключённым. Вот один-то из таких и привязался ко мне. Я подумала-подумала, не королевича же до смерти ждать. Согласилась, в общем.

Он ничего, хорошим мужиком оказался. Сидел-то не как бандит. Начальником цеха был, да авария там какая-то случилась, вот его за недогляд и упекли. Раньше с этим шибко строго было. Расписались мы с ним, Анатолием его, кстати, звали, а долго-то и не пожил. Меньше, чем с Фёдором. Через пять лет помер. От чахотки. Видать, на зоне ишшо заболел. А мог бы и дальше жить. Полвека жизнь, что ли?

Опять одна с Володькой осталась. Мне сорок шесть полных, ему двадцать один. Уже после армии пришёл. Там шофёром был и на гражданке в таксопарк устроился.

– Что-то вы путаете, баба Ганя. В пятьдесят восьмом вроде ещё не было в Тюмени таксопарка.

– Так мы вить до семисят пятого в Свердловске жили, Потом уж сюда переехали. Володька захотел. На новое место, говорит. Чудной он у меня, непутёвый.

– Почему вдруг непутёвый?

– Да вот так. До лысины дожил, а так ни разу и не женился, внучат мне не оставил. Мне, говорит, мать, и так хорошо. Ох! Живой бы если был, так уж сам дедушкой стал.

– Так и Володя ваш умер?

– Помер, Сашуня, помер. В восьмидесятом ишшо.

– Пойдите, так это... господи, в сорок три года выходит! Отчего же?

– Врачи сказали, что сердце остановилось. Не знаю. Он вить и не жаловался никогда.

– Может, скрывал?

– Может. Володька шибко меня жалел.

Я в тот день утром подошла к нему, чтобы на смену разбудить, а он холодню-у-ушенек лежит, лицо белое-белое, только губы синюшные. Как сама тогда не померла – не знаю! Оно вить шибко горько – ребёнка своего пережить. Ни-ко-му не пожелаю! А вот живу. Уж пятнадцать лет. На могилку к нему иногда езжу, сама пла-ачу, разговариваю, скоро, мол, тоже в землю лягу.

– Как знать, может, ещё годика три-четыре поживёте. Сердце только берегите.

– Бог даст – поживу. Чего ж не пожить-то. А так уж всё на похороны приготовила. Отдельно лежит. Бельишко там, платье, чулки ненадёванные. Ситцу припасла, свечи с ладаном да ленты чёрные. Не стыдно чтоб помереть-то было.

Я бы и на крест, может, ишшо наскребла, поднатужилась. Он, говорят, пока не шибко дорогой. Сорок тысяч. Так опять как нести-то его, громаду такую! А машину заказывать накладно.

Она помолчала.

– Господь-то наш, знаю, нёс на себе, так он хоть молодой был. И то тяжко. А я уж и без того через всю жизнь крест несу, потяжелше берёзового будет.

Ишшо вот саван да иконку купить надо... Ну, ничего,

через месяц Пасха, к церкви буду ходить, милостыню просить. Бутылок-то не насдаёшься.

– А что ж сейчас к церкви не ходите?

– А что сейчас ходить. Там и без меня калекам едва на хлеб с молоком хватает. Сердобольных-то не так уж и много. Вот пост к концу подходить будет, тогда все в церкву потянутся грехи замаливать, каждый сколько-нибудь да подаст. А пока одна подмога – бутылки да банки. Сейчас вот в «Восход» пойду, сдам их, глядишь, три тысячи прибавилось.

Баба Ганя неторопливо встала со стула.

– Ну, Саша, спасибо тебе. Как в сказке с тобой побы-вала: напоил, накормил, спать уложил да ишшо и вылечил и про жизнь мою выслушал. Добрый ты человек, дай бог тебе здоровья! И Светлане твоей того же.

– Вам, баба Ганя, спасибо на добром слове.

– Живи долго. Ты меня, Сашуня, теперь только сведи с лестницы на крыльцо, а дальше уж я сама как-нибудь.

Мы, не спеша, спустились с крутых ступенек, и я проводил бабу Ганю до ворот. Она благодарно поклонилась напоследок и медленно побрела к перекрёстку. Я стоял и смотрел ей вслед.

Где-то невдалеке густо и зычно ударил соборный колокол, созывая прихожан на вечернюю службу. Я увидел, как баба Ганя остановилась и застыла на месте. А когда величественный звук повторился, бережно поставила сумку и сетку на асфальт, выпрямилась и благоговейно трижды перекрестилась. Снова подняла поклажу и, по-старчески передвигая ноги, стала едва заметно удаляться в сторону заходящего солнца.

ХОРОША МАНЬКА!

«Эх, хороша Манька! Грудь-то под платьем какие выпуклые! Как мячики! А ножки, ножки просто прелесть! И личиком бог не обидел. Да-а, хороша, сла-аденькая! Вот только как бы к ней подъехать?» Так думал Сашка, десятиклассник Першинской средней школы, когда тайком разглядывал из-за поленницы соседку Маньку Пузырёву.

Манька сидела на верхней ступеньке крыльца дома с широко расставленными ногами и щёлкала семечки. Сашку она, разумеется, не видела, поэтому чувствовала себя раскованно. Глядела поверх забора на другую сторону улицы да изредка шлёпала пухлой рукой по голым коленям, убивая комаров.

Про Маньку судачили много и разное. Всё за глаза.

Она не была замужем. Но говаривали, что в свои двадцать четыре года Манька знала уже достаточно мужчин, и вообще, по сплетням женщин, была, как говорится, слаба на передок. Полускрытно, хотя сомнительно, что на селе утаишь, жила с Семёном Подмёткой – местным сапожником, но и других мужиков особо не чуралась. Щедро дарила свою любовь. За что, бывало, получала от ревнивого Семёна хорошего тумака. Иногда от подвыпивших мужичков Сашка слышал про Маньку удивительно заманчивые вещи, что ещё больше разжигало интерес и желание к ней.

– Вот это пирожок! – зачарованно прошептал Сашка, жадно изучая откровенную позу молодой соседки, и решил перебраться чуть левее, чтобы выпрямить затёкшую ногу. Но неосторожно двинул коленом и зацепил за сучковатое полено, которое тут же с шумом скатилось вниз.

Сашка замер, но было уже поздно. Манька заметила его, сдвинула ноги и вправила платье между колен.

– Ты чего там зыришь? – неприветливо окликнула она.

Рассекреченному Сашке пришлось вылезти на вер-хушку поленницы.

– Привет, Маня! – начал он заигрывающе и бодро.

– Чего там зырил, спрашиваю?

– На тебя глядел.

– Я тебе не картина.

– А может, Манечка, ты как раз картина и есть, – эту фразу Сашка проговорил заискивающе и с долей вож-деления.

– О-ой-ха-ха-ха-ха! – залилась она дробным смехом.

– Он меня Манечкой назвал! Ма-анечкой! Ты чего сегодня такой ласковый, а?

Сашка решил действовать напрямую, будь, что будет:

– Пирожка твоего хочу.

Манька опешила:

– Какого ещё пирожка?

– А сама-то не догадываешься? – Сашка глядел на неё масляными глазами.

Пузырёва пренебрежительно вскинулась:

– Хэ-э! Иди-ка! Чего захотел! Больно приткий!

– Ну Ма-ань! Ну по-соседски! Никто и не узнает! – игриво настаивал Сашка.

– Сопляк ты ещё! – выдала Манька с презрительной усмешкой, встала и спешно вошла в дом.

Сашка только досадно вздохнул и слез с поленницы.

«М-да, сорвалось. Ну, ничего, измором возьму!» – мысленно утешил он себя и прицокнул языком.

Следующий день для Сашки прошёл безрезультатно. Кроме язвительных насмешек Маньки, он ничего не добил-ся. Правда, некий намёк, который бросила напоследок

Пузырёва, вселил в него уверенность, что не всё потеряно. Она сказала:

– Со мной, Сашенька, без пряников вообще не стоит заигрывать.

Утром Сашка наскоро позавтракал и побежал в магазин. Купил там плитку шоколада, коробочку леденцов и направился к Маньке.

Пузырёва снова сидела на крыльце. В ведёрко, которое стояло ступенькой ниже, чистила картошку. Когда увидела входящего во двор Сашку, то оторвалась от работы и сама себе хохотком возвестила:

– Кавалер пожаловал!

– Ага, – взбодрился Сашка. – С «пряниками».

– Да ну! – она снова рассмеялась.

– А как же!.. – Сашка немного замялся. – А у тебя что – традиция, на крыльце-то сидеть?

– Трады-ыция, – передразнивая, согласилась Пузырёва.

– Ишь ты!

– Зачем пришёл-то?

– Да всё за тем же.

– Насты-ы-ырный!

– Ну дак, – парировал Сашка. Потом сплюнул сквозь зубы на траву и уселся рядом с Манькой. Достал шоколад, леденцы. Нарочито галантно преподнёс Пузырёвой. Та с лёгкой усмешкой взяла подарок.

– Спасибо, ухажёр.

Сашка принял эту благодарность как прямое разрешение к более конкретным действиям и приобнял Маньку. Пузырёва моментально стряхнула его руку.

– Не лапай! Не хозяин! Вся улица видит.

– Пошли в дом, Мань. А?

Пузырёва промолчала. Стала снова чистить картош-

ку, тихонько напевая, чтобы больше раззадорить Сашку. Этого она добилась.

– Ну так что? – нетерпеливо спросил Сашка.

– Что? – как будто не понимая, переспросила Манька и хитро, лишь уголком рта улыбнулась.

Тут Сашка решительно взял Манькину руку, потрянул, чтобы выпал нож, и стремительно приложил к своему «крепышу», которого уже еле сдерживал плотно сжатыми бёдрами.

– Чуешь?

Манька не отдернула руку, а наоборот охватила сильнее. Тихо, с изумлением произнесла:

– Ишь ты, товар какой! Даже не думала!

Сашка гордо усмехнулся.

– Значит, «пирожка» моего хочешь? А не боишься, что укусит?

– Не укусит.

– Ишь ты! Всё-то знает! Я, выходит, у тебя не первой буду, да?

– Третьей.

– Интересно, кто же те две рыбки, а? – попыталась выведать Манька.

– История о том умалчивает, – кичливой шуткой парировал Сашка.

После этого Пузырёва легко встала и с удовольствием потянулась, выпятила вперёд ядрёные груди. Осмотрелась кругом. Поблизости никого не было.

– Ну, пошли в дом, соседка! – пригласила она, то и дело откровенно поглядывая на рельефный холмик, выпирающий из тесных трико Сашки. Глаза её заблестели.

– Так уж и быть, покормлю твоего зверька! – Пузырёва игриво хохотнула, и они оба вошли в сени.

Примерно через час на крыльце показался доволь-

ный, как кот, который только что наелся сметаны, Сашка. На его шее сбоку красовался лиловый, с трёхкопеечную монету, засос. Губы тоже были припухшие, и Сашка то и дело их облизывал.

«Эх, хороша Манька!» – восторженно подумал он, сел на верхнюю ступеньку, достал сигарету и закурил. Зажмурился от не угаснувшего ещё чувства приятного онемения внизу живота.

Сзади приоткрылась дверь, и выглянула Пузырёва. Громко зашептала:

– Санька, ты чего ещё здесь? Иди быстрее! Мало мне старых сплетен. Вдруг увидит кто!

Сашка понятливо кивнул, заговорщически улыбнулся Маньке и пошёл к себе во двор.

С крыльца приглушённо донеслось:

– Потом ещё приходи! Как-нибудь! Ты мне понравился!

Сашка согласно махнул рукой.

Но на следующий день в село вернулся Подмётка, который до этого четыре дня рыбачил с приятелями на озёрах. Понятное дело, что теперь он поначалу денно и ночью будет пропадать у Маньки. Сашке оставалось только локти кусать и ждать.

Но и это оказалось не последнее несчастье. В селе ведь редко, что удаётся скрыть. Наверно, всё-таки кто-то видел, что Сашка был у Маньки, и с пересудами эта новость дошла дня через два до Подмётки.

Сашка беспечно шёл из пекарни со свежим хлебом, когда из-за поворота улицы неожиданно вышел Подмётка.

– А ну-ка, Шурик, притормози.

Тон его голоса не предвещал Сашке ничего хорошего.

– Что-то люди много о тебе говорить стали, а?

– Обо мне? Не слышал.

– Хм, а зря. Не ходил бы так спокойно по улицам.

– А что?

– Слышал ли ты, Шурик, что чистосердечное признание снимает часть вины?

– Ну... А я-то тут причём? – глухо пролепетал Сашка, хотя уже догадался, о чём идёт речь.

– Признавайся: был с Маней? – грозно спросил Подмётка и надвинулся на Сашку.

– Нет! – почти крикнул Сашка и отступил назад. – С чего ты взял!

– А это ты откуда взял? Чей подарок, а?

При этих словах сапожник ткнул толстым пальцем в синяк Манькиного засоса.

Сашка подавленно молчал. Куда денешься от улики! И как это он забыл! Ноги у него задрожали.

– Значит, правда, – зловеще выговорил Подмётка.

Он уже хотел ухватить Сашку за ворот рубашки, но тот вывернулся, отскочил и припустил, что было силы, прочь. В ответ донеслись грязные ругательства Подмётки. Отбежав на безопасное расстояние, Сашка остановился и оглянулся. Погони не было. Только тогда растёр ладонью ушибленную ногу (Подмётка успел-таки пнуть сапожищем) и окольным путём вернулся домой.

Когда он проходил двором, то услышал, как в соседском доме визжит Манька и низким голосом ругается Подмётка.

Сашка досадно скривился и пнул носком кеда подвернувшийся сухой комок глины. «Побил бы того, кто донёс!» Весь остаток дня он провёл в напряжении, как загнанный волк, всё думал, что заявится Подмётка.

Но вечером Сашка увидел, что к Семёну пришли приятели по недавней рыбалке и позвали на бутылочку.

Когда они ушли, Сашка наконец-то вышел из дома и притаился на старом месте за поленницей. Стал ждать Маньку. Что-то она скажет?

Долго ждать не пришлось. Манька вскоре вышла с помойным ведром в руке. Её левый глаз совсем заплыл и был синим.

– Господи, что он с ней сделал! – выдохнул Сашка со злобой.

Манька брезгливо вылила помои в яму и пошла обратно.

– Маня! – осторожно позвал Сашка.

Пузырёва обернулась, нашла взглядом здорового глаза Сашку. Он попробовал улыбнуться.

– Проваливай отсюда! – процедила она сквозь зубы.
– Из-за тебя разукрасили. Шиш ты больше меня увидишь!
– и она демонстративно показала Сашке фигу.

– Ну Маня!.. Постой!..

Та даже не остановилась и не откликнулась. Поднялась на крыльцо и хлопнула дверью.

«Это – всё! – сам себе сказал Сашка. – Не видать мне больше Манькиных прелестей. А как с ней было хорошо!»

Впрочем, горевать Сашке пришлось не так уж и долго. Встретился он однажды на клубных танцах с Леной Чаплыгиной, молоденькой практиканткой из медицинского училища. И вскружила она Сашке голову, зазывно подмигнула чуть раскосым глазом, повела кокетливо в его сторону круглым плечиком. Послала воздушный поцелуй, и открылись перед Сашкой «новые горизонты».

ВЗГЛЯД МАТЕРИ

Валера решительно опрокинул стопку, скривился, шумно занюхал ржаной краюхой и закусил луком. Обвёл бесцельным взглядом комнату, облокотился на стол и подпёр могучим кулаком колючую щеку. Внизу, у ножки стола, уже стояли две пустые бутылки.

– Михайло! – позвал Валера, оборачиваясь всем корпусом к кровати.

Никто не откликнулся.

– Мишка! – нетерпеливо и громче повторил он.

Железная кровать заскрипела, и глухой сонный голос недовольно ответил:

– Чего?

– Вставай. Хватит дрыхнуть.

– Отвали. Я сплю.

– Я за бутылкой сходил.

– Да? – оживился сразу Михаил. – А не врёшь?

Он с деланным видом одолжения поднялся, прогромыхал сапожищами к столу и грузно опустился на табурет.

– Ишь ты. И, правда, купил. А выдюжим, третью-то?

Валера пропустил последнюю фразу мимо ушей, налил до краёв в стаканчики, прищурился вдруг и в лоб спросил приятеля:

– Миш, ты когда-нибудь видел, как крыса рожает?

Михаил опешил и недоумённо поглядел на товарища.

– Не-ет. Откуда?

– Да-а, брат – прятаются, – как-то задумчиво и с удовлетворением протянул Валера. – Кошек тоже редко увидишь, когда рожают или с котом любят.

– Ну, кошек – да. А крысы... к ним в нору что ли лезть будешь? – Михаил пожал плечами. – А ты чего спросил-то? Видел, что ль?

– Ага. Вчера в кладовку пошёл, коробку в углу сдвинул, и она там, в гнёздышке своём.

– И не убежала?

– В том-то и дело! Лежит, дрожит вся и на меня как-то сильно пристально смотрит, с отчаянием даже. Я аж замер от удивления. Вдруг гляжу, а у неё, то есть из неё крысёныш вылезает. Рожает, значит. Потом второй полез, быстро так. Тоже гладкий да мокрый. Она их облизывает, а сама на меня поглядывает то ли виновато, то ли ещё как не знаю.

– Ну, геро-ой! Сразу убил или, как акушер, до конца присутствовал?

– Да никого я не убил. Зачем? Взял в кладовке, что надо было, и ушёл.

– Хм, ну и дурак, значит, – сказал, как припечатал, Михаил. Затем опрокинул стопку, крикнул и налил снова.

– Сам дурак! – оскорбился Валера. – Зачем убивать-то? Она же рожала.

– Ага, ещё дюжину таких же вредителей! У тебя что, винтик из головы выпал? Пожалел! Да их всех сразу давить надо было. Хоть бы кирпичом запустил что ли!

– Да ты что! – вскинулся Валера. – Это ж не честно! Понимать надо! Она ж матерью стала!

– Кто? Крыса?! Хэ-э-э, даё-ошь!

– Ну, смейся-смейся, – насупился Валера. – А для меня хоть кто рожай – святое дело. То, о чём ты сейчас говоришь, это подло. Вот когда в капкан попала, тогда всё по-честному.

– Ну-ну, жди, – насмешливо заключил Михаил и опять выпил. – А тараканиху беременную тоже не задавишь, сжалишься? – ехидно поинтересовался он, закусывая.

– Чего?

– Да вот: как раз! – воскликнул тот, резко хлопнул

по краю стола и протянул Валере на ладони рыжее насекомое с раздавленной от удара головой и тугим прозрачным брюшком. – Во! Так сказать, на последнем месяце ходит. То есть ходила.

– Фу, пакость! Убери.

– Противно? Значит, убьёшь.

– Ну, таракана-то при надобности, конечно, раздавлю. Комаров ведь тоже шлёпаем.

– А как же твоё «святое дело»? – подковырнул приятеля Михаил.

Валера смущённо закричал, заёрзал на стуле.

– Тут, понимаешь, дело в другом.

– В чём?

– В разуме, что ли.

– Это как же?

– Ну, так. Мне таракана не жалко, потому что я в нём разума не чувствую. Он ведь что: крошку сожрал да убежал – и так всю жизнь. А крыса или мышь – уже нет. У них хотя бы хитрость есть. И ещё, я когда на ту крысу вчера глядел, у неё в глазах что-то особенное было. Осмысленное. Как бы точнее-то... Взгляд матери – вот что. Очень, знаешь, такой взгляд, проникновенный. Всё в нём.

Я вот, как и ты, девятый год забойщиком скота работаю, вроде бы уже самое привычное дело, профессионал, а не поднялась рука, не посмел. Взгляд этот остановил. Материнский. Это всё равно, что если бы на свою родную мать руку поднял.

Так что, Миша, зря ты, наверно, меня дураком обозвал. Тут в другом дело. Я теперь вот даже не знаю, как завтра на работу идти, в глаза коровам смотреть. Всё у меня внутри перевернулось. А ты говоришь, давить всех.

Михаил уже захмелел, и, видимо, что-то тоже проснулось и толкнулось в его сердце хорошее, просветлило

душу. Он больше не ехидничал, а наоборот молчаливо кивал головой на слова Валеры.

Откуда-то с потолка на тонкой струне-паутинке спустился молодой паучок. Покачался нерешительно над столом, спустился ещё, коснулся проворными лапками столешницы и насторожённо замер. Но ни одна рука не поднялась, чтобы убить эту маленькую жизнь.

ЖИЛЕЦ КВАРТИРЫ № 0

Костя Снегопадов был бомжем. Он принадлежал к той «бомжевской» прослойке, которую составляют бывшие детдомовцы, что по тем или иным причинам не смогли или не сумели поступить в какое-либо ПТУ, в результате лишились места в общежитии и оказались неприкаянными жителями улиц. Впрочем, в отличие от своих «собратьев по образу жизни», Косте Снегопадову поначалу выпала более удачная доля. Силой бог не обидел, и он добывал маломальские средства к существованию, крутясь неофициальным подсобным рабочим на центральном городском рынке. У бездомных собак отвоевал себе крышу над головой: сухой и незахламлённый подвал девятиэтажки. Разжился ещё годной для использования раскладушкой, а со двора одной из школ приволок списанные парту и два стула. Спустя некоторое время, его «квартира» обставилась ещё кое-какой немудрящей «мебелью», появились даже простенький радиоприёмник и часы с кукушкой. В общем, «зажиточно» влачил своё бремя земного существования Костя.

Так бы и шли дни, недели, месяцы, если бы постепенно он не стал спиваться. Всё же, видимо, не от хорошей жизни. Трудно сказать, когда у Кости погасла надежда на то, что придут, наконец, счастливые времена. К тому моменту, когда он отмечал четвёртую годовщину своего подвального новоселья, Костя принимал на грудь уже ежедневно. Иногда он подходил к обломку большого зеркала, укреплённого им на бетонной стене, пристально рассматривал отражение и мрачно хмурился. В свои неполные двадцать четыре года Костя Снегопадов выглядел на все тридцать...

Евгения Павловна Лизунова была ещё весьма хороша собой, несмотря на то, что завтра ей исполнялось

сорок семь лет. Два года назад безвременно скончался её муж, но она решила не бросать начатое вместе с ним дело и до сей поры успешно занималась «челночным» бизнесом. Обстановка трёхкомнатной квартиры свидетельствовала о том, что дела шли хорошо и приносили доход.

Пять дней назад Евгения Павловна вернулась из очередной закупочной поездки и обнаружила, что в туалете протекает труба. Турецкий коврик на полу был совершенно мокрым. «Благо, что на первом этаже живу, затапливать некого», – подумала она про себя.

До сегодняшнего дня Евгения Павловна по ремонту так ничего и не предприняла, всё время ушло на договоры с реализацией привезённого товара. Но устранять неполадку необходимо было в срочном порядке: завтра день рождения, гости придут, а тут такая незадача.

Из домоуправления она возвращалась расстроенная: как назло заболел сантехник их участка, а у второго на сегодня оказалось и своей работы по горло. В общем, невезуха. Дойдя до подъезда, она с удручённым видом присела на скамейку, решая, что же делать.

В это время ведущая в подвал дверь открылась, и оттуда вышел заспанный Снегопадов. В голове Евгении Павловны промелькнула при виде бомжа спасительная мысль.

– Костя, – окликнула она его и, когда он обернулся, позвала, – подойди, пожалуйста.

Снегопадова, как давнего нешумного «жильца», знали многие в этом доме, в том числе и Лизунова. Иногда, зная его постоянную нужду в деньгах, владельцы квартир просили его об услуге по какому-нибудь мелкому ремонту, и он охотно соглашался за бутылку водки и баночку рыбных консервов.

Делал Костя всё на совесть, поэтому недовольства в его адрес не поступало. Может, именно этому снисходительному благодушию людей и обязан был Снегопадов

столь долгому и относительно безбедному обитанию в квартире номер «ноль».

Слегка шатающейся походкой Костя подошёл к Лизуновой.

– Ты сильно пьян? – деловито спросила Евгения Павловна.

– Да нет, как обычно, – ляпнул в ответ Костя.

Женщина снисходительно усмехнулась.

– Твоя помощь нужна.

– А чего случилось?

– Труба течёт в туалете, а сантехник болеет. Ты как? В состоянии?

– А чего мне, сделаем, – уверил Снегопадов, разводя руками.

– Отблагодарю хорошо, в накладе не будешь.

– Да, конечно, сочтёмся. А инструмент есть?

– Вроде есть, – кивнула она, вспоминая, где лежат инструменты, оставшиеся после смерти мужа. – Пойдём?

Лизунова встала со скамейки, и они скрылись в подъезде.

Когда вошли в квартиру, у Кости аж дух захватило от вида богатого убранства прихожей. Он, конечно, и до этого знал, что его «соседка сверху» живёт роскошно. Частенько Костя с завистью заглядывал в окна лизуновской квартиры, когда проходил вечерами мимо в свою «обитель».

– Разувайся, – повелительно сказала Евгения Павловна и направилась искать инструменты. Когда она появилась, неся в руках плотницкий ящик, Снегопадов уже успел осмотреть объект своей работы и даже прикинул, с чего начать.

– Ну, что, хозяйка, может, нальёшь немного для бодрости труда? А то после вчерашнего руки слегка подрагивают, – обратился Костя с недвусмысленной просьбой.

Лизунова понятливо хмыкнула и ушла в гостиную.

Вскоре вернулась, неся в руке наполненную рюмку-бочонок с водкой.

– Держи. Больше пока не дам, а то вдруг набракуешь чего-нибудь, – небрежно бросила она.

Костя молчаливо обиделся, но виду не подал. Залпом выпил и с плоскогубцами в руках забрался ногами на финский унитаз.

Протечка была высоко, почти у потолка, и чинить было неудобно, то и дело затекали руки. Работа шла медленно и с малым успехом, отчего Константин начал нервничать и злиться. Раз от раза его ещё больше раздражало то, что каждые три минуты Лизунова заглядывала в туалет, чтобы удостовериться, что он занят делом, и намекала, что пора бы уже и справиться с такой пустяковиной.

«Интересно ещё, сколько она заплатит, эта вдовушка, – озлобленно думал Снегопадов, – это тебе не вентиль крана подтянуть, тут бутылкой не откупишься».

Неожиданно в пьяный мозг Кости вкралась и стала уверенно зреть чёрная шальная мысль: «Зачем рассчитывать на малое, когда можно без особого труда овладеть многим?» Через минуту он уже составил в уме преступный план.

В туалет в очередной раз нетерпеливо заглянула Евгения Павловна.

– Ну, что? Скоро ты?

– Скоро, скоро. Вы вот что, подайте мне из ящика отвёртку с белой ручкой, – попросил он.

– Самому-то не судьба, что ли? – недовольно спросила Лизунова.

– Да мне же тут держать надо, чтобы не текло, – раздражённо пояснил Костя.

Лизунова нехотя нагнулась к ящику в поисках отвёртки, которая в это время уже находилась у Снегопадова в кармане.

Претворение коварного замысла было почти молниеносным.

Стремительно вытащив и зажав отвёртку в ладони, Константин спрыгнул с унитаза с напряжённо вытянутой рукой в направлении Лизуновой.

Тонкий стержень стали, без труда преодолев сопротивление кости черепа, мягко вошёл по самую рукоятку в мозг, прямо в темя. Не издав ни звука, Евгения Павловна осела под рукой Кости на пол и повалилась на спину. Отвёртка осталась зажатой в кулаке Снегопадова.

Переступив через труп, Константин отправился осматривать комнаты. «Экскурсия» по квартире увенчалась небывалым для бомжа успехом: карманы его одежды отяжелели, вместив около двадцати миллионов рублей, в руке покоилась каменная шкатулка с драгоценностями. На кухне Снегопадов обнаружил другой «подарок»: ящик шампанского и восемь бутылок дорогой водки. Сгрузив бутылки в найденную на антресоли дорожную сумку, он ещё раз огляделся в поисках лёгкой наживы, но решил ограничиться тем, что уже нашёл; и так надолго хватит. Пора было уходить восвояси. К тому же волей-неволей стало приходить осознание совершённого убийства, и в душе пробудился страх. Костя выглянул через окно во двор. Никого не увидев, он прошмыгнул в прихожую, спешно обулся и с поклажей в руке вышел из квартиры. У двери подъезда он ещё раз остановился, прислушался и только после этого вышел и торопливо с оглядкой зашагал к подвалу. Переход завершился благополучно.

Шумная группа из трёх супружеских пар с подарками и букетами зашла на следующий день в два часа в дом, в котором находилась квартира их подруги-именинницы Лизуновой. Один из мужчин, попутно досказывая анекдот, нажал на звонок.

– Женечка, это мы! – весело возвестила одна из дам. Из-за двери в ответ не донеслось ни звука. Спустя

ещё несколько безответных звонков в дверь, другая из пришедших женщин, более любопытная, наклонилась и заглянула в замочную скважину.

– Господи! – невольно вырвалось у неё через мгновение, и она резко выпрямилась с испугом на лице.

– Что?! – в голос спросили остальные.

– Женя там... лежит, на полу. Не двигается.

Компания тревожно и взволнованно зашумела.

– Ей плохо, наверно. Надо «скорую» вызвать!

– И милицию! Мало ли что.

– Соседям звоните! Вот несчастье-то!

Когда прибывшая следственно-оперативная группа взломала дверь, разнаряженные дамы враз заголосили, увидев вокруг головы подруги тёмную лужицу крови.

Оперативникам почти сразу стало ясно, что убийство – дело рук неизвестного «ремонтёра». Звонок в домоуправление дал информацию, что вчера Лизунова, действительно, обращалась с просьбой направить к ней слесаря-сантехника, но тот находится на больничном. Значит, хозяйка нашла кого-то своими силами. Но кого?

– Ну, что скажешь? – обратился капитан Новохатин к эксперту-криминалисту Борову.

– А что сказать? Явно не профессионал. Кругом отпечатки пальцев. Орудие убийства – отвёртка – на месте преступления. Один был, прихватил только то, что смог унести. Скорее всего, был пьян. Да, вот ещё: у порога, где он разулся, я обнаружил древесные опилки. Так что надо выяснить, откуда они могли появиться. Отпечатки, конечно, проверим в конторе, но мне кажется, что это всё-таки новичок.

– Сергей Владимирович, – окликнул с порога Новохатина лейтенант Замятин, который занимался опросом соседей, – тут одна пенсионерка интересный факт поведала на предмет возможного слесаря.

– Ну, – откликнулся капитан.

– У них в подвале дома бомж живёт. Так она говорит, что тот иногда по этой части практикует.

– В подвале? – заинтересовался Боров. – Хм, а ведь вполне возможно, что опилочки оттуда. Как ты думаешь, Сергей?

Новохатин, мысленно взвешивая версию, утвердительно кивнул.

– Спасибо, Юра, – обернулся Сергей Владимирович к лейтенанту, – бабуле тоже благодарность передай. Вот что, Миша, – обратился он уже к Борову, – надо бы и с двери подвала пальчики откатать для уверенности.

– Я тоже так думаю, – согласился Боров.

– Действуй.

Спустя некоторое время эксперт вернулся возбуждённый.

– Уверен, что одни и те же отпечатки! Позднее скажу наверняка. И вот ещё что: возле входа тоже есть опилки. Дверь не на замке. Я считаю, Серёжа, что надо осмотреть подвал.

– Пошли! – решительно согласился Новохатин.

У двери в подвал они приостановились, перекинулись парой фраз и твёрдо вошли внутрь, ступив на мягко пружинящую кучу опила перед выходом.

Их не было минут десять.

Наконец, дверь вновь отворилась, и из неё вышел капитан Новохатин. Вслед за ним из тёмного проёма подвала выглянуло опухшее от чрезмерного возлияния «Распутина» лицо Снегопадова. Сзади его подтолкнули, и Костя с угрюмым видом вышел наружу. Он был в наручниках.

ОПРАВДАНИЕ ДОЖДЁМ

Зульфия стояла на автобусной остановке в первом Заречном микрорайоне и, мечтательно улыбаясь, любовалась заходящим солнцем. Было начало одиннадцатого вечера. Небольшая горстка людей, дождавшись, обрадованно заполнила полупустой салон коммерческой «двадцать четвёрки», и Зульфия осталась на остановке совершенно одна. Ей предстояло добираться домой на Мыс, а двадцатого маршрута всё не было. Она немного волновалась, так как обещала мужу, который остался водиться с двухлетней дочкой, что вернётся не позднее девяти часов вечера.

Сегодняшний июньский день прошёл просто замечательно! В одиннадцать часов утра с букетом пионов, коробкой конфет и подарком она вышла из дома. Вера, давняя подруга Зульфийи, пригласила её на свой день рождения. Ближе к восьми часам, когда Зульфия уже было начала собираться обратно, на огонёк девичника заглянула ещё одна подруга, Марина. Желание уходить тут же угасло. Ещё бы, ведь с Мариной они не виделись целый год. Так незаметно и проболтали до закатного часа, пока Зульфия, наконец, не спохватилась, что может не уехать. Марине хорошо, она в трёх кварталах от Веры живёт, а тут до дома пилить и пилить, если автобус прозеваешь.

Напоследок, чмокнув в щёчку ещё раз именинницу, Зульфия вышла из гостей и вот уже битых полчаса стояла на остановке, отмахиваясь от надоедливых мошек. Надежда на то, что автобус придёт, всё больше таяла.

Было уже двадцать пять минут одиннадцатого, когда возле остановки неожиданно притормозил тёмно-синего цвета джип. Правая передняя дверка с затемнёнными стёклами открылась, и из неё выглянул представительный

мужчина лет сорока. Он поглядел на Зульфию и участливо окликнул:

– Девушка, вас подвезти?

Зульфия даже обрадовалась. Сама бы она и не подумала останавливать машину. Время слишком уж поджимало, да и мошкара вконец измучила, поэтому она почти сразу ответила:

– Мне на Мыс, улица Гагарина.

– Садитесь, – согласно кивнул водитель.

Зульфия села в шикарное удобное кресло, и автомобиль послушно рванул с места. Так быстро она ещё никогда не ездила. Улицы вечерней Тюмени были довольно пустынные, и хозяин машины безбоязненно выжимал сто десять километров в час. От мелькания за окном городского пейзажа дух захватывало. Из динамика автомагнитолы убаюкивающе звучало что-то из Энио Морриконе. Всего лишь на несколько мгновений промелькнули небольшая церковь на Парфёновском кладбище, оптовый рынок «Дружба». Лишь на светофоре возле поворота на улицу Ветеранов труда иномарка остановилась.

Зульфия решила воспользоваться краткой остановкой и достать из сумочки кошелек с деньгами. Водитель понял её намерения и властно положил тяжёлую ладонь на сумочку.

– Ну что ты, малышка. В деньгах я абсолютно не нуждаюсь, – он пристально поглядел на неё и тронул машину с места.

Зульфия изумилась, а мужчина продолжил:

– Сейчас заедем ненадолго в укромное местечко на природе и повеселимся.

– Я замужем, – испуганно ответила она, вмиг догадавшись о его мыслях.

– Знаю. Тем лучше.

– Выпустите меня! Сейчас же!

– Да брось! С тебя не убудет. А домой я тебя отвезу, не волнуйся. И не брыкайся!

У лесопарка джип свернул на грунтовую дорогу в сторону реки Туры и, немного проехав, остановился на берегу озера Круглое. В то же мгновение кресло, на котором сидела Зульфия, плавно откинулось в лежачее положение, она оказалась на спине, а сверху уже навалилось грузное, но сильное тело водителя.

Попытки сопротивления были тщетными. Он моментально подмял её под себя, не давая даже вдохнуть полной грудью. Его грубые руки нетерпеливо сдёрнули с Зульфий нижнее бельё. Обессиленная и отчаявшаяся женщина лишь заскулила от боли и унижения и отвернула лицо от липких поцелуев насильника.

Поглощённый низменной страстью, верзила не обращал внимания на то, чем заняты руки Зульфий. Он весь дрожал от возбуждения, шейные вены от напряжения наполнились кровью.

Зульфия тем временем сумела нашарить рукой свою сумочку и теперь пыталась её открыть. Наконец, её это удалось. Оправившись от первоначального шока, она уже немного пришла в себя и живо обдумала свои дальнейшие действия.

Первым делом надо нащупать лежащий в сумочке маникюрный набор. Да, вот он! Теперь самое сложное: расстегнуть его молнию. Полминуты – и это удалось. Пальцы судорожно перебирали содержимое. Пилка. Нет, она гнётся. Не подойдёт. Ага! Вот! Ножницы! Зульфия вытащила их и зажала колечками в ладони.

Отродье, сильными толчками вдавливающее её в кресло, похоже, приближалось уже к кульминации своего желания. Зульфия брезгливо и ненавистно скривилась: «Нет, ирод, не видать тебе этого!».

Острые концы ножниц глубоко вонзились в одну из

вздвухшихся вен на шее насильника, вышли и воткнулись снова в другом месте. Салон джипа наполнил истошный вопль. Третий удар! Четвёртый! Жажда мщениа за надругательство с удесятёрённой силой выплеснулась из Зульфийи. Из рваных ран захлестала кровь. Не давая опомниться мерзавцу, женщина наносила удары один за другим, вкладывая в каждый всю свою силу. С разорванной щекой насильник повалился навзничь. Зульфийа ещё раз замахнулась и до самых колечек вонзила ножницы в глаз обидчику. Из-за повреждённого горла тот уже не кричал, а лишь хрипел и конвульсивно дёргался в предсмертной агонии, истекая кровью. С расширенными от ярости глазами Зульфийа смотрела на безвольно откинувшееся со спущенными брюками тело, пока оно не стало неподвижным.

Едва передвигая ноги, она выбралась из машины. Её непроизвольно вытошнило. Держась за дверку, Зульфийа осмотрелась вокруг. Ни души. Уже смеркалось. Она взглянула на часы: пять минут двенадцатого.

Она подошла к кромке озера и тщательно смыла с рук и лица кровь. Потом вернулась к автомобилю, взяла сумочку и побрела в сторону лесопарка к дому. В глазах Зульфийи сквозила пустота и потерянность, по щекам катились слёзы.

До своего подъезда она дошла к полуночи. Свет в квартире был потушен, муж и дочурка уже спали, так и не дождавшись хозяйки.

В эту ночь Зульфийа так и не смогла сомкнуть глаз. Неподвижно лежала рядом с мужем, слушала дробный перестук нахлынувшего ночного дождя да отдалённые раскаты грома, проворачивая в голове недавние события. Лишь под самое утро, когда уже рассвело, она ненадолго забылась...

В это же самое время на берег озера по обыкновению

пришли на утренний клёв рыбаки. Открытая настежь дверка иномарки невольно привлекла их внимание. Когда они подошли к машине и заглянули внутрь салона, ни о какой рыбалке не могло уже быть и речи. Зрелище было не для слабонервных.

Труп, как выяснилось из найденных у убитого документов, Игоря Грека, жителя Нового Уренгоя, увезли в морг. На его теле насчитали шестнадцать глубоких колото-рваных ран.

Он оказался довольно влиятельным человеком, поэтому не только милиция, но и многочисленные «знакомые» рьяно бросились на поиски изверга-убийцы.

Осмотр места происшествия и попытка взять убийцу по «горячим следам» ни к чему не привели. Проливной дождь, который на протяжении ночи утешал своим шёпотом поруганные душу и тело Зульфийи, напрочь смыл все следы. Идентификация отпечатков пальцев в салоне автомобиля, разумеется, ничего не дала. Следствию лишь было понятно, что неизвестным убийцей являлась женщина. Причём первоначально именно она подверглась преступному посягательству со стороны Игоря Грека. Уголовное дело было обречено остаться «глухим»...

Когда Зульфийа проснулась, муж уже завтракал. Она бесшумно встала, прошла на цыпочках на кухню и обняла его сзади за шею.

– Ренатик, прости меня. Я опоздала на автобус, всю дорогу пешком шла. Ноги даже сбила.

Он согласно кивнул, обернулся и обнял жену.

– Больше так не задерживайся, ладно? Я волновался.

Она покорно вздохнула и нежно погладила его по волосам. Вчерашнее казалось страшным сном.

Жизнь Зульфийи продолжалась.

ЧАРУШИНСКАЯ СКАМЕЙКА

Я тогда был ещё маленьким, лет шести, когда в один из погожих июньских дней по другую сторону нашей окраинной улицы дедушка Карпа смастерил немудрящую скамейку. Врыл в податливую землю длинные ровные чурбачки, а поверх них положил и намертво укрепил деревянными клиньями широкую, толстую, до мягкого блеска обструганную доску, вроде тех, какие используют в деревенских домах на половицы.

Это было прекрасное место. Между двумя раскидистыми липами, почти на самом берегу зеленеющего пригорка. Отсюда открывался чудесный вид на спокойную излучину речки Чаруши и на просторный пойменный луг, обрамлённый вдалеке старым березняком. Под липами в это время года всегда настаивался особенный тяжёлый медоносный дух.

Когда скамейки ещё не было, здесь всё равно часто собирались сельчане. Иногда мужички сидели под сенью листвы, коротая время, пока в поставленную сеть не попадётся побольше карасей, ближе к вечеру под липами останавливались посудачить женщины, возвращаясь с Чаруши, где на подмостках по старинке полоскали бельё, а уж совсем на закате именно сюда слетались шумливые стайки девушек, чтобы вволю пощебетать о своих сердечных делах. Нравилось людям это место. А теперь ещё и скамейку дедушка Карпа поставил.

Поздно вечером я тайком улизнул из дома, чтобы лучше рассмотреть её. Прибежав к липам, медленно приблизился к скамейке и осторожно сел на самый краешек, чтобы она была видна мне полностью. Не остывшее ещё после жаркого дня дерево приятно согревало ладонь. Я тихонько погладил поверхность доски. Гладкая!

Послышались приближающиеся негромкие голоса. Боясь, что меня прогонят домой, я резво спрыгнул со скамейки и спустился с пригорка в высокие заросли черныбыльника. К скамейке подошли две немолодые женщины.

– Ай да Карпа! Ишь, какую ладную сварганил. Широкая, посидеть любо-дорого.

– Да уж, восьмой десяток разменял, а всё шустрит. Игрушечник!

Женщины почти неслышно сели.

– Додумался ведь. Молодец!

– Да-а... Клавдию вот только жалко.

– Чевой-то вдруг?

– Так наверняка уж, поди, замаял её своими выкрутасами. То голубятню под старость лет решил строить да голубей разводить, то давеча змея с крыши запустил. Ребёнок, да и только.

– Ну что ты, Марфа. Пусть человек тешится-радуется. Вреда от того никому нет, да и Клава, не слышала я, чтобы каялась. Чудной он – это верно. А всё одно – молодец. Наш он! Чарушинский!

– Ладно, пойдём, что ли. Позднёхонько уже.

– И то верно. Поглядели-посидели...

И тут я услышал встревоженный голос мамы.

– Евдокия Петровна, Колю моего не видели?

– Нет, милая. Да мы тут с Марфой недолго были. Вон, старик Карпа скамеечку сделал, поглядеть приходили.

– Из дома выскочил, ни слова не сказал. Уже с пол-часа... – сокрушалась мама. – Думала во дворе он, а вышла – никого. Ладно, побегу дальше искать.

Мне стало стыдно. Я вскочил с корточек, пробежал под пригорком в ту сторону, куда пошла мама, и вскарабкался по склону на дорогу.

– Mamочка, прости, я больше не буду! – кинулся я

навстречу, опережая её, возможно, сердитые слова.

– Ты где же околачивался столько времени?! – полу-сердито, полууспокоившись, спросила она.

– На новую скамейку ходил смотреть.

– Не ври. Я там только что была.

– Правда, был. Там ещё две женщины пришли, и я в траве спрятался. Потом твой голос услышал и сразу прибежал, – оправдывался я.

– Ладно, разведчик, пошли домой, – подобрела она.

– Больше так не делай, хорошо?

С минуту мы шли молча. Потом я вдруг вспомнил:

– Мама, а те женщины про дедушку Карпу говорили.

– Да? И что они говорили? – поинтересовалась она.

– Разное. Ещё одна из них его обзывала.

Мама недоверчиво посмотрела на меня:

– Не может быть! Как?

– Игрушечником каким-то.

– А-а, – улыбнулась она. – Ну, это так и есть.

– Почему? – в свою очередь удивился я.

– Он раньше, когда помоложе был, игрушки разные для детей делал. Из глины, из дерева...

– Ой, а какие?

– Ну, я же говорю: всякие-разные. Мне, например, когда я маленькой была, как ты, куклу из мочала сделал. У нас ведь после войны таких, как сейчас, игрушек не было, – ответила мама, когда мы уже заходили в дом.

В тот вечер я долго не мог уснуть. Всё думал о дедушке Карпе, представлял в мыслях, какие он делал игрушки. Неожиданно загорелось неуёмное желание, чтобы дедушка Карпа и мне сделал какую-нибудь игрушку. С этой сокровенной мыслью и уснул.

На следующее утро, наскоро выпив стакан молока, я выбежал на улицу. Ноги сами повлекли к дому игрушечника. Он жил всего через четыре двора от нас.

По-детски трусливо повернул тяжёлое кольцо дверной щеколды, просеменил по узкому тротуарчику к крыльцу и постучал в окно веранды.

Вскоре скрипнула внутренняя дверь, и через стекло я увидел самого хозяина, седого и бородатого. Бренькнул не откинутый с ночи крючок, и дверь отворилась.

– О-о-о, здорово, внучек! Ко мне, что ль?

– Ага! – только и сумел выдохнуть я, совсем растерявшись.

– Проходи, проходи. Давненько молодёжь не была, – гостеприимно пригласил он, пропуская меня вперёд себя.

– Клава, глянь, какие у нас гости! – воскликнул дедушка Карпа, когда мы вошли внутрь.

Из-за кухонной перегородки выглянула щупленькая старушка, баба Клава.

– А-а, знаю, Веры Сомовой отпрыск. Тебя ведь Николкой звать? – обратилась она ко мне.

– Ага.

– Ну, рассказывай, с чем пожаловал, Николай? – с напускной важностью спросил дедушка Карпа, садясь на массивный табурет.

Я вконец смутился и промямлил:

– Игрушку хочу... Деревянную.

– Игрушку? – усмехнулся старик в седую бороду, замечая мою растущую робость.

Я лишь коротко кивнул головой.

– А откуда ж ты, внучек, знаешь, что я игрушки умею делать, а?

– От тёти Марфы.

– Это от какой же?

– Да от Веригиной, поди. Одна она у нас, – вставила баба Клава.

– Вон как, – то ли заинтересовался, то ли задумался дедушка Карпа.

– И от мамы ещё, – вспомнил я. – Вы ей после войны куклу из мочала делали.

– Ишь ты! Помнит, значит, – обрадовался дед. – Ну, коли матери делал, то, видать, и тебе сделать придётся, – с теплотой в голосе рассудил он.

– Пожалуйста, – на всякий случай пролепетал я.

– Хе! – усмехнулся дедушка Карпа в густые обвислые усы. – А ты помогать мне будешь?

– Буду!

– Ну, пошли, – бодро возвестил игрушечник и поднялся с табурета.

Мы вышли из дома, прошли через двор, и дедушка Карпа открыл дверь дровяника.

Тут была целая мастерская!

Видимо, дрова здесь уже давно не хранили. На длинных вместительных полках располагалось великое множество самых разных инструментов и приспособлений, большинства названий которых я совершенно не знал. На полу вдоль стен стояло несколько плотницких ящичков. Пока я всё это с любопытством осматривал, дедушка Карпа по-хозяйски прошёл в дальний угол и вскоре вышел оттуда с дощечкой в руках.

– Сделаю-ка я тебе самолётик-флюгер... Хочешь?

– А что это такое?

– Объясню, когда будет готов. Это, брат, очень полезная вещь получится. Вот увидишь.

Он сел на огромный деревянный чурбан, взял в руки нож. Внимательно, с прищуром поглядел на дощечку и принялся «колдовать» над ней. На пол посыпались золотистые стружки. Я заворожённо следил за обстоятельной работой дедушки Карпы. Постепенно дощечка обретала узнаваемые очертания самолётика.

– Похоже? – оторвался от дела игрушечник.

– Да! – согласно выдохнул я.

– Вот что: принеси-ка мне вон из того ящика шкурку,
– деловито попросил он.

– Чью?

– Хе! Не чью, а какую. Увидишь. У неё с одной стороны бумага гладкая, а с другой – как бы песок ровным слоем приклеен.

Несмотря на незнание, я, и правда, довольно быстро нашёл наждачную бумагу (её название узнал уже позднее).

– Эта?

– Она самая. Молодец!

Дедушка Карпа стал тщательно обшаркивать почти готовую игрушку. Затем из отдельного брусочка старательно вырезал похожий на бантик пропеллер, в центре его проделал шилом дырочку и полегоньку прибил тонким гвоздиком к носу самолётика. Правда, с небольшим зазором, чтобы тот мог свободно вертеться. Потом закрепил игрушку на верстаке, взял в руки дрель и наострился сверлить отверстие прямо в середине самолётика.

– А это зачем? – встревожился я за игрушку.

– Не бойся, – успокоил меня дедушка. – Так задумано.

Я удивлённо смотрел, как сверло с жужжанием ровно продавливалось в дерево.

– Ну, вот и всё! – сказал дедушка Карпа, распрямляя спину. – Держи. Нравится?

– Ага! – я держал в руках сотворённое на моих глазах чудо и не мог оторвать от него восхищённого взгляда.

– А теперь слушай, – наставительно продолжил дедушка Карпа. – Когда тебе надоест им играть, то попроси папу, пусть он прибьёт самолётик на жердь. Длинным гвоздём как раз в эту дырку. А жердь укрепит над сеновалом. Тогда самолётик флюгером станет – ветер показывать будет.

– Как это? – удивился я.

– А вот запоминай. Самолётик этот необыкновен-

ный, он всегда станет лететь в ту сторону, откуда ветер дует. Например, если он летит туда, где солнце всходит, значит, ветер восточный. Туда, где оно садится – западный. Если в сторону города – южный, а коли к нашему кладбищу развернулся, то – северный. Запомнил?

– Да.

– Ну, ступай. Да, гляди, не забывай старика, заглядывай.

Не помня себя от радости, я вприпрыжку побежал к своему дому, держа в руках драгоценный подарок.

А месяц спустя самолётик красовался на высоком шесте над нашим сеновалом и бодро гремел пропеллером, летя навстречу восходящему солнцу.

...С той поры, как на берегу Чаруши появилась скамейка, прошло более двух лет. Я уже ходил во второй класс.

В один из октябрьских дней дедушке Карпе привезли машину выписанных в сельсовете на зиму дров. На следующее утро старик в приподнятом настроении вышел во двор колоть сваленные кучей берёзовые чурки. У бабы Клавы в это время подошла квашня, и она наострилась стряпать пироги с брусникой, столь любимые мужем.

Баба Клава уже вынула из печи первый противень с подрумянившимися и дышащими сдобным жаром пирожками, а со двора всё ещё приглушённо доносились короткие размеренные удары колуна.

– Ишь, разухарился! – озабоченно пробормотала она и качнула головой. Поставила в печь новый противень, вытерла о фартук испачканные в муке руки и пошла на улицу.

– Ты бы передохнул, что ль, дровосек, – окликнула она мужа, выйдя на крыльцо.

– Ничего, Клава! – обернулся на её слова раскрасневшийся, с сияющими глазами дедушка Карпа. – Работа в охотку! Помахая ещё малость, – сказал он, отпыхиваясь.

– Ну-ну, смотри. А то пироги успели. Горяченькие!

– решила она сманить мужа домой. Но он уже вновь взмахнул колуном. Баба Клава безнадежно махнула рукой и поспешила к печи.

Уже вытаскивая второй противень, она вдруг поймала себя на мысли, что не слышит звука раскалываемых дров.

– Слава те господи, угомонился! – успокоенно вздохнула она. – Надо предупредить, чтобы хоть поленицу сегодня не складывал. А то ума хватит.

С этой мыслью баба Клава вышла из дома и окаменела от увиденного. На земле, среди беспорядочной россыпи щепок и поленьев, ничком, неестественно скрючившись, лежал её муж. Колун был крепко сжат в его руках.

– Карпуша! – испуганно взвыла она, подбежала к нему и упала на колени.

Дедушка Карпа был мёртв.

Потом от врачей баба Клава узнала, что с ним случился обширный инфаркт.

Я хорошо помню тот день, когда хоронили дедушку Карпу. По очереди, группами, заходили сельчане попрощаться с забавным при жизни, никому не делавшим зла стариком. Кто-то, негромко переговариваясь, стоял во дворе, возле наколотой кучи дров, кто-то в ожидании выноса гроба прохаживался по улице около дома, разглядывая узорчатые наличники, вырезанные когда-то бабушкой Карпой.

А мы с мамой и несколькими женщинами сидели на скамейке под облетевшими черноствольными липами.

– Вот и не стало нашего игрушечника... – задумчиво и грустно проговорила тётя Марфа.

В это время из ворот дома вынесли аккуратный, сделанный из листового железа, выкрашенный в светло-зелёный цвет памятник. На нём я прочитал: «Чарушин Карп Емельянович». Чуть ниже чернели даты жизни: 1902 – 1978 гг.

Так я впервые узнал полное имя бабушки Карпы.

– Мама, а у бабушки Карпы почти такая же фамилия, как название нашей деревни и речки... – искренне удивился я, потянув её за рукав.

Она молча кивнула, а тётя Марфа, услышав мои слова, повернулась и негромко заговорила:

– Да, Ни́колушка, он ведь коренной был. Чарушинский. На кладбище и дед, и прадед его лежат. Отца, правда, нет. Тот в первую мировую бесследно сгинул.

– Помнится, – вступила в разговор незнакомая мне женщина, – бабушка Карпа всегда на приезжих обижался, когда они нашу деревню называли – Чарушино. Всё объяснял: вот, мол, если бы село было, тогда – Чарушино. А у нас – деревня, потому на конце «а» пишется. Чарушина!

– Хороший был человек. Заботливый, – вступила в разговор незаметно подошедшая Евдокия Петровна. – Скамеечку вот нам на память о себе оставил.

– Да-а. И липы, – вздохнула тётя Марфа.

– Как? И липы его?

– А то. Он их весной сорок первого, перед самой войной посадил. Я тогда ещё девчушкой бегала. Всё помочь хотела.

Разговор на этом прервался, вынесли гроб.

Дорога к кладбищу пролегла мимо нашего дома. Дул встречный ветер, и я невольно обратил внимание на знакомое тархтение. Я оглянулся и посмотрел на свой самолётик-флюгер. Он мелко вздрагивал на ветру и всё порывался устремиться вслед за нами, чтобы тоже попрощаться с тем, кто его когда-то смастерил...

Прошли годы. Из Николки Сомова я давно уже стал Николаем Семёновичем, сотрудником областной газеты. Обзавёлся женой, сынишкой.

Но пришёл день, когда я вспомнил вдруг деревню

Чарушину и долго не мог побороть в себе какое-то неизъяснимое чувство тоски и тревоги по далёкому детству.

...Июньским полуднем я вышел из рейсового автобуса на памятной мне окраине и пошёл по знакомой улице в сторону нашего прежнего дома. Справа под пригорком зеркально отражала прибрежные камыши неторопливая Чаруша. Теперь она казалась мне совсем маленькой.

Я не узнавал окрестности. Вместо удерживаемых памятью образов деревянных домов, которые я так жаждал увидеть, взор мой то и дело натыкался на стандартные двухэтажные коттеджи с одинаково ровно подстриженными газонами в оградах.

Но вдруг я остановился. Брошенный мельком взгляд застрял в густо переплетённых ветвях двух состарившихся деревьев. Это были липы дедушки Карпы. Уже на бегу к ним, там я увидел и скамейку. Её. Чарушинскую.

С замирающим сердцем, как когда-то в детстве, осторожно сел я на краешек её плоской спины, теперь уже побуревшей и местами глубоко разохшейся от минувших лет.

Ни наш дом, ни дом дедушки Карпы не дожили до этой запоздалой встречи. Сейчас на тех местах и дальше до самого кладбища, неухоженного и забытого, повластно раскинулся коттеджный городок.

Скамейка под липами оказалась единственным островком из того, что когда-то называлось деревня Чарушина, единственным местом, которое пощадило время, единственной памятью о жившем здесь добродушном бородатом игрушечнике. На душе было и светло, и грустно.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Река Кудёма	4
Перламутровая расчёска	12
Баба Ганя	23
Хороша Манька!	34
Взгляд матери	41
Жилец квартиры № 0	45
Оправдание дождём	52
Чарушинская скамейка	57

Павел Рудольфович Черкашин

ЧАРУШИНСКАЯ СКАМЕЙКА

Рассказы

Технический редактор В.А. Швед
Художник Л. А. Вторушина
Оператор вёрстки В.В. Давыдович
Корректор С.Н. Черкашина

Цветоделение обложки выполнено ГУИПП «Полиграфист»

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс"
Печать офсетная. Усл.п.л. 3,4. Подписано в печать 22.07.2002 г.
Тираж 1000 экз. Заказ № 277

X

74222004
Окружная библиотека

Павел
Черкашин

Чарушинская скамейка